

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Великая княжна
Мария Николаевна
незадолго до смерти
подарила охраннику
на память медальон со
своей фотографией.

Подарила за то,
что он заступился за
дочь свергнутого
самодержца...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Медальон Великой княжны

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Медальон Великой княжны

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Медальон Великой княжны / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-093032-6

В 1918 году, когда царская семья ждала решения о своей участи в печально известном доме инженера Ипатьева, юная княжна Мария Николаевна подарила одному охраннику на память медальон со своей фотографией. Подарила в знак благодарности за то, что не утратил он доброты и сострадания, не побоялся тюрьмы и расстрела, заступившись за дочь свергнутого, всеми ненавидимого самодержца. Княжна погибла. А медальон отправился в путешествие, меняя хранителей, переплетая их судьбы, толкая людей на подлости и подвиги. Всплыв из небытия в веке двадцать первом, он вновь стал причиной преступных страстей и даже нескольких убийств. Капитану Станиславу Авдееву с коллегами придется немало потрудиться, чтобы распутать клубок событий, нити которых опутали роковой медальон...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093032-6

© Алейникова Ю. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Алейникова

Медальон великой княжны

*Людям рядом с нами больше всего нужна просто доброта.
(Из дневников императрицы Александры Федоровны)*

© Алейникова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

13 июля 2017 г. Санкт-Петербург

– Слушай, Крот, давай, не тяни, место хоть и глухое, но если засидимся, и почикать могут. – Тихим хриплым голосом торопил стоящий на краю ямы Лысый.

– Да, погоди ты, тут еще более свежее захоронение. Посвети.

– Ну что, есть что-нибудь?

– Погоди, работаю. – Крот в перчатках с фонариком и кисточкой рылся в развороченном склепе. – Видно, семейство в революцию не вымерло, раз такие поздние захоронения есть. Слушай, здесь каменная плита, надо бы ее приподнять, наверняка основная камера под нею, – наклоняясь к земле, проговорил Крот. – Хитрые были, глубоко хоронили, потому, наверное, и не разграбили красножопые после революции. Хотя мне тут бабулька одна рассказывала, что еще до революции об этом кладбище скверные слухи ходили, про живых мертвецов, что по ночам из могил вылазят и по кладбищу дозором ходят. Может, еще и поэтому не разграбили. Короче, молодцы Щербатовы, позаботились о нас, грешных.

– А ты уверен, что это все брехня, насчет мертвецов? – не спеша лезть в яму, спросил Лысый.

– Слышь, ты что-то очень нервный стал для человека, который не первый год чужие могилы грабит. – Крот вылез из ямы. – Приступай давай, а то время идет.

Лысый погладил бритую под ноль шишковатую макушку, прихватил лом и спрыгнул в яму.

– Тяжелая, сволочь. Лежит так плотно, что и не зацепиться. – Он пыхтел около полчаса, пока наконец проклятая плита с места не сдвинулась; кое-как отодвинув ее в сторону, он, отдуваясь, вылез из ямы. – Давай, твоя очередь, – доставая из рюкзака бутылку с водой, пропыхтел он.

Покойников Лысый до сих пор побаивался, а потому непосредственная процедура изъятия ценностей всегда ложилась на Крота. Но он и не спорил, считая, что так оно надежнее. Крот был не брезглив, прагматичен и недоверчив. Всякие там рассказы о живых мертвецах не вызывали у него ничего, кроме презрительной улыбки. Крот был закоренелым, убежденным атеистом. Причем не по воспитанию, а по сути своей. А еще у него было совершенно не развито воображение, что ему крайне мешало в школе при написании сочинений, но очень помогало в его нынешних занятиях.

– Тесновато тут, – пролезая в отверстие под плитой, пожаловался Крот.

– Да и хрен с ним, – отмахнулся Лысый. – Есть там что стоящее?

Он нетерпеливо топтался на краю ямы. Хоть склеп и находился в заросшем сиренью и черемухой заброшенном конце кладбища, он все равно нервничал: поселок, на краю которого находились руины старой развалившейся барской усадьбы графов Щербатовых, был крупным, как раньше говорили, городского типа. Тут тебе и молодежь, и пьяницы, и леший знает, кого еще не дай бог нелегкая принесет. А еще справа ферма, а на ней наверняка сторож имеется. Шансов, конечно, мало, что его ночью на кладбище понесет, но все же, кто знает? Если понесет, финал известен какой – скандал и вызов полиции, а Лысый не любил ни скандалов, ни полиции. С последней, как правило, договориться всегда удавалось, но иногда выходило накладно. Окупятся их с Кротом старания или нет, еще неизвестно, а ментам что? Они не процент с дохода берут, а просто мзду. Вот и нервничал Лысый на краю ямы.

– Ну?

– Ну, ну. Сам хочешь слазить? – огрызнулся снизу Крот, изучая при свете фонаря содержимое склепа.

– Нет.

И компаньоны замолчали. Какое-то время было слышно только тихое шебуршение Крота в яме, шелест листвы, скрип старых деревьев, на свежем ночном ветерке несколько раз тревожно вскрикнула ночная птица, а еще неведомые шепоты и вздохи носились по старому кладбищу, заставляя Лысого пугливо ежиться и втягивать бритую голову в широкие покатые плечи.

– Не иначе покойники стонут. Ругаются, что потревожили, – пугливо шептал он себе под нос, боясь оглянуться на едва уловимый шорох за спиной.

– Крот, ты скоро уже? – едва справляясь с голосом, тихонько позвал Лысый.

– Лезу уже, не психуй, – выбрасывая на край раскопа полотняный мешок, затянутый на веревочку, вроде школьной сменки, проворчал Крот. – Давай задвинь плиту, закидай побыстренькому яму, и валим.

– Да ну ее к лешему, – отмахнулся Лысый, берясь за мешок.

– Не ну ее, а закидай. Мы тут с тобой не один день крутились, может, кто запомнил. Мне лишние неприятности не нужны, – забирая у Лысого мешок, распорядился Крот.

Он был в их дуэте главным. Разыскивал захоронения, собирал информацию, разведывал, что да как, и сбывал добычу. А Лысый был тягловой силой. Работали семьдесят на тридцать. Но в последнее время Лысый стал лениться, жадничать, и между компаньонами уже несколько раз вспыхивали ссоры. Пока что Кроту удавалось призвать Лысого к порядку, но о будущем их взаимоотношений он задумывался все чаще.

Лысый, скинув куртку, энергично махал лопатой, а Крот, устроившись тут же на складном стуле – он уважал в работе хотя бы минимальный комфорт, раскладывал на мешке добычу.

– Ну чего там? Стоящее что-нибудь есть? – отрываясь от работы, спросил Лысый компаньона.

– Несколько орденов, перстни, крестики, коронки, медальон, пока не открывал, пуговицы, несколько колец, запонки, серебряные пряжки. Из интересного – ордена и печатка с родовым гербом. За них можно неплохо выручить, – не спеша перечислил Крот, не забывая поглядывать по сторонам. – Ты давай не отвлекайся. Время – деньги.

– Здорово, – входя в прихожую, протянул руку Крот.

– Здорово. Как съездили? Что-то интересное попало? – провожая гостя в комнату, поинтересовался Кирилл.

Крота он знал давно, еще в то время, когда тот был просто Виталькой Кротовым и учился с ним в одном классе. Тогда они приятелями не были, слишком уж разные у них были характеры и интересы. Виталька – спортсмен и хулиган, а Кирилл – интеллектуал и эстет, хотя и не рохля, спортом тоже занимался, но не карате, а модным теннисом. Оба пользовались успехом у девочек и на этой почве даже соперничали. Но все это было давно, до девятого класса. Потом Кирилл перешел в гимназию. А встретились вновь они уже много позже, случайно, разговорились. Виталий, узнав, что Кирилл стал кандидатом исторических наук, попросил его взглянуть на одну вещицу. Так и потянулось. Кирилл даже сферу своих исторических интересов поменял, сдвинувшись с века шестнадцатого в девятнадцатый, поскольку наиболее интересные находки Крота относились именно к этой эпохе, и даже прослушал курс атрибуции и экспертизы культурных ценностей. Крупным специалистом он, конечно, не стал, но его оценки найденных Кротом вещей становились все увереннее и профессиональнее. К тому же кроме обычного профессионального интереса это занятие приносило неплохой доход. А иногда даже процент от прибыли. У Кирилла имелись знакомые коллекционеры, и некоторые особенно интересные вещицы он продавал сам.

– Да в общем и целом улов неплох, – не без гордости проговорил Крот, входя в комнату и усаживаясь возле рабочего стола Кирилла.

– Чистил?

– Промыл слегка, – пожал плечами Крот. – Так, от земли сполоснул.

Кирилл убрал со стола бумаги, постелил одноразовую клеенку и кивком головы велел Кроту выкладывать на стол его находки.

– Действительно, богатый улов. Где это вы так поживились? – сказал, надевая перчатки, Кирилл.

Он был очень брезглив, и никакая любовь к истории этого изменить не могла.

– Так тебе и расскажи, – ухмыльнулся Крот, их отношения не грешили излишней близостью и доверительностью.

Пока Кирилл изучал добычу, Крот от скуки посматривал в окно. Кирилл жил в шикарном месте, на углу Итальянской улицы и канала Грибоедова. Из окна его кабинета был виден Спас на Крови, а из окон гостиной – Казанский собор и Дом книги. Местечко было крутое. Кроту такое и не снилось, он проживал скромненько, в спальном районе, в типовой трешке с родителями. Точнее, в последнее время он снимал скромную однушку неподалеку от родичей, но о своей квартире пока только мечтал.

– В общем, так. Насчет этих вещичек я похлопочу, – откладывая в сторону ордена и печатку, проговорил Кирилл. – Остальное сам. Вот тут я тебе свои комментарии набросал, – вытаскивая из принтера листок, пояснял кандидат наук. – А насчет этого медальона... можешь оставить на пару дней?

Крот приподнял брови.

– Особой ценности он не представляет. Определенно работа начала двадцатого века. Есть клеймо мастера. «Зефтинген Леопольд». Фирма солидная, поставщики Двора Его Величества, но вещь сама по себе рядовая. Внутри есть монограмма, предположительно, владелицы, – лениво пояснял Кирилл, вертя в пальцах безделушку. – Хотел попробовать выяснить, кто такая изображена на снимке, может, удастся какую-нибудь историйку раскопать.

– Ладно. До понедельника можешь оставить, – после короткого раздумья разрешил Крот.

– Давай до среды, у меня еще дела перед отпуском... – неопределенно взмахнул рукой Кирилл.

– Ладно. До среды.

Закрыв за Кротом дверь, Кирилл вернулся в кабинет и нетерпеливо взял со стола медальон. Овальный, в идеальном состоянии, ни единой царапины, на толстой витой золотой цепочке. Внутри медальона была помещена маленькая черно-белая фотография. Юная девушка с пушистыми волосами ласково смотрела на него с печальной полуулыбкой. Кирилл был практически уверен в том, что знает эту девушку. И инициалы на крышке медальона «МР». Ошибки быть не могло. Но все же Кирилл, бережно положив на стол медальон, подошел к книжному шкафу и, пробежавшись глазами по полкам, извлек оттуда массивный тяжелый том. «Династия Романовых». Пролистав наспех большую часть, он добрался до иллюстраций. В отличие от большинства современников Кирилл все еще доверял книгам больше, чем интернету. Вот та самая фотография. Тот же ракурс, то же выражение глаз, то же платье. Великая княжна Мария Николаевна Романова, дочь последнего российского императора.

Кирилл опустился в кресло и глубоко задумался. Потом достал из ящика стола небольшую коробочку и положил туда медальон, затем вновь расстелил клеенку, надел перчатки и достал из другого ящика большую картонную коробку, в которую сложил добытые Кротом ценности.

На очистку и дезинфекцию ушло какое-то время. Но Кирилл терпеливо и дотошно выполнил все необходимое, стараясь отгонять от себя мысли, где именно еще совсем недавно хранились эти предметы. А затем приступил к их внимательному изучению.

Увы, ничего стоящего, никаких монограмм, никаких намеков на владельцев изучение орденов Святого Андрея Первозванного, Святой Анны и Святого Владимира первой степени не дало, впрочем как и звезды Белого Орла. Значит, все же придется обращаться к Кроту. Тот, конечно, всего не расскажет, но кое-какую информацию из него выудить можно.

– Крот? Это я. Появился интерес к вещам, но нужны подробности. Скинь все даты и фамилии, которые были на могиле. – Кирилл давно уже приучил Крота снимать все возможные данные с захоронения, даты, имена, фамилии, иногда такие детали помогали датировать вещи, а иногда поднимали цену предметов.

Место захоронения Крот ни за что не сообщит, а вот эту информацию должен.

– Не так много там и можно было разобрать, – неохотно проговорил Крот. – Склеп графов Щербатовых. Давай я тебе скину по инету все, что разобрать удалось, только часа через три, не раньше, у меня еще дела сегодня.

Пришлось согласиться. А пока Крот занимался своими делами, Кирилл решил поинтересоваться семейством графов Щербатовых. Так, для общего развития, чтобы время быстрее шло, ну и для дела, разумеется.

Информацию Крот скинул. Тут были фотографии склепа и переписанные им самим имена и даты. Судя по состоянию склепа, Кроту пришлось поработать, чтобы хоть что-то разобрать. Даты восемнадцатого и девятнадцатого веков Кирилла не заинтересовали. Заинтересовали две последние. «А.С. Щербатова (в девичестве Плещеева) 1912–1997», и вторая более поздняя надпись «Дмитрий Евгеньевич Щербатов 1935–2006».

«Кто же вы такие? И как к вам медальон попал?» – размышлял Кирилл, глядя на имена и годы жизни и смерти.

Он увлеченно рылся в компьютере, пытаясь разыскать хоть какие-то упоминания об этих людях в доступных ему архивах и документах, пока звонок в дверь не вырвал его из исследовательской эйфории.

– Настасья? – Кирилл нервно взглянул на часы: неужели так увлекся, что забыл о встрече? Но, во-первых, Настино лицо было безмятежно, а во-вторых, часы показывали только восемь.

– Сюрприз! – целуя его в щеку и проскальзывая в квартиру, сообщила Настя и, не снимая туфель, направилась напрямик в кабинет. – Какая миленькая штучка. – Коробку с орденами Кирилл уже успел убрать, но медальон по-прежнему лежал на столе, и теперь Настя, взяв его в руки, не спеша и с интересом разглядывала. – А внутри что?

– Фотография великой княжны Марии Николаевны, – мягко забирая вещь у Насти, пояснил Кирилл.

– Твой?

– Нет, Крот дал на время, хочет проследить историю, – пояснил Кирилл, собираясь спрятать медальон в стол. – Завтра заберет, – добавил он на всякий случай, испугавшись, что Настасья может пожелать его себе в подарок или хотя бы на время.

– Княжна, говоришь? Дай еще раз посмотрю. – И Настя, отобрав медальон, уселась за его рабочий стол, внимательно рассматривая вещь. – М.Р., – прочитала она монограмму. – Простенький какой. Впрочем, они же любили простоту и скромность, как свидетельствуют фотографии и мемуары. Ладно, забирай. Надеюсь, ты не забыл, какой сегодня день? – расположившись в рабочем кресле, как на троне, с царственным видом спросила Анастасия.

– Ну что вы, сударыня, – с театральным поклоном ответил Кирилл. – Правда, я планировал поздравить вас в более торжественной обстановке.

– А я желаю быть поздравленной немедленно, – капризно заявила девушка.

– В таком случае, сударыня, вам придется подождать.

Кирилл вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь. Хорошо жить в центре города, подумал он, набирая номер цветочного магазина внизу.

– Девушка, мне двадцать пять крупных красных роз, очень свежих и очень красивых, в стильной упаковке с доставкой на четвертый этаж. Срочно! Вам за это отдельные чаевые, – обворожительным тоном промурлыкал Кирилл.

Через десять минут он вошел в кабинет, где скучала Анастасия, в костюме, с букетом и, выудив из ящика стола бархатную коробочку с кулоном из белого золота, преподнес подарок капризной принцессе.

– М-м! Какая прелесть! – прикладывая к груди кулон, воскликнула Настя и, бросившись Кириллу на шею, едва его не задушила. – Ну что, идем праздновать? Кстати, я сегодня у тебя останусь, в доме полно гостей, родители, как обычно, назвали целый табун родственников, поэтому я, собственно, и сбежала, ненавижу эти старперские посиделки. – Настя скривила хорошенькие пухленькие губки. – Настенька сю-сю-сю, умница-красавица, жениха тебе хорошего...

– Ты бы вполне могла сказать, что таковой уже имеется, – с шутливым укором проговорил Кирилл.

Строго говоря, предложение Насте он еще не делал, но к перспективе женитьбы в ближайшем обозримом будущем относился спокойно. Двадцать девять лет вполне подходящий возраст. С Настей они были вместе уже почти два года, так что все плавно двигалось к маршу Мендельсона, белому лимузину и Дворцу бракосочетания.

– Я не могла им так сказать, поскольку у меня нет жениха, а только поклонники, – вывернулась из его объятий Анастасия, и он в очередной раз залюбовался ее округлыми аккуратными формами и стройными ножками.

На Насте сегодня было весьма вызывающее красное платье, которое не столько скрывало, сколько открывало все ее достоинства.

«Поженимся – запрещу ей подобные вульгарные наряды», – решил Кирилл.

– Ну что, мы идем?

– Разумеется. Давай сначала цветы в воду поставим, – засуетился Кирилл. – Только вот куда? У меня такой большой вазы нет.

– Поставь в ведро – и дело с концом, – легкомысленно распорядилась Настя, любуясь кулоном, который уже успела надеть.

– О, женщины! – простонал Кирилл и пошел за ведром.

Глава 2

16 июля 2017 г. Санкт-Петербург

– Сюда, Станислав Дмитриевич, – торопливо показывал начальству дорогу старший лейтенант Рюмин. – В этой квартире.

В типовой бедно обставленной однушке среди вывернутых ящиков, распахнутых шкафов и наваленного горой тряпья посреди комнаты на полу лежал парень на вид не больше тридцати в черных джинсах и черной футболке. С колото-резаной раной в сердце и стеклянными неподвижными глазами.

– Уже выяснили, кто это? – глядя на убитого, спросил капитан Авдеев.

– Да, некто Кротов Виталий Андреевич, двадцати девяти лет. Квартира не его, снимал. Нашла тело мать. Он собирался к ним зайти с утра, она ему котлет нажарила, еще чего-то приготовила. А он не пришел и на звонки не отвечал. Родители убитого через три дома живут, ну мать и решила сама ему еду занести. Вдруг парень по делам уехал, не успел предупредить. Квартиру открыла своим ключом, а тут...

– Ясно. Где она?

– На кухне. С ней соседка убитого, корвалол принесла, сейчас отпаивает, – пояснил Рюмин.

– Хорошо. Пусть пока успокоится. Эксперты уже отработали?

– Да, только что уехали. Тело не выносили, вас ждали, – с легким укором проговорил Рюмин.

Станислав Дмитриевич сегодня ночевал на даче, на работу опоздал, потому что перед самым его отъездом из строя вышел насос, дом остался без воды. Пришлось срочно ремонтировать – оставлять жену с двумя маленькими детьми без водоснабжения было немыслимо, к тому же воскресенье, совесть надо иметь. Так что осматривать место происшествия пришлось лейтенанту Рюмину самостоятельно. Что где-то ему, безусловно, льстило, но накладывало определенную ответственность. А вот ответственности Рюмин не любил.

– Так что, выносить? – Еще раз уточнил он у задумавшегося начальства.

– Раз эксперты закончили, выноси, – кивнул капитан. – Со свидетелями что?

– Грязнов с участковым соседней опрашивают.

– Чем занимался покойный, известно? – осматривая комнату цепким взглядом, спросил Станислав Дмитриевич.

– Вот с этим сложнее. Официально нигде не работал. Мать что-то темнит. Похоже, знает, но почему-то помалкивает. – Криво усмехнулся Рюмин. – Пока я на нее не нажимал.

– Квартиру хорошо осмотрели?

– Да. Никаких следов наркоты нет. Но обнаружили какие-то старые пуговицы, булавка вроде старинная, портсигар, тоже вроде старый. На вид не особо ценный. В телефоне покойного есть фотографии надгробий. Похоже, он был черным копателем, – неуверенно предположил Рюмин. – Или черным археологом. Не знаю уж как точнее. Но никаких ценностей или инструментов в квартире мы не обнаружили.

– Надо хорошенько изучить телефон покойного, опросить родных и разыскать друзей, – составлял план действий капитан Авдеев. – Родные, кроме матери, у него есть?

– Да, отец и сестра старшая.

– Очень хорошо. Значит, так. Я пойду, попробую поговорить с матерью убитого, а ты помоги ребятам.

– Галина Федоровна, Виталий погиб, и ваш рассказ ему уже не сможет навредить, – выпроводив с кухни соседку, разговаривал с матерью погибшего Кротова капитан Авдеев. – А

вот нам очень поможет отыскать его убийцу. Так что я вас очень прошу быть со мной откровенной, – заглядывая в глаза женщины, убеждал Станислав Дмитриевич.

Галина Федоровна, полненькая, замученная, с заплаканными глазами, смотрела на него испуганно и жалобно, явно не зная на что решиться.

– Галина Федоровна, кем вы работаете?

– Кассиром в гипермаркете, – настороженно ответила Кротова.

– А ваш муж?

– Мастером в автосервисе. У него хорошая работа в дилерском центре, вы уж туда, пожалуйста, не сообщайте, – разволновалась она.

– Ну что вы! И зачем? Я это для того спросил, чтобы вы поняли, что вы с мужем честные люди, вам бояться нечего. А сын ваш, даже если и занимался чем-то не совсем законным, все равно уже отвечать перед законом не будет, а вот его убийцы ответить должны.

– Хорошо. Только он мне не очень-то про свои дела рассказывал, – решила наконец-то Галина Федоровна. – Это уж я сама подслушала, когда он еще с нами жил, ну и пару раз кое-какие вещи видела. Правда, не знаю точно, где он их брал и куда девал потом, – тоже.

– Ясно.

– Копали они что-то с приятелями. То ли в старых усадьбах, то ли еще где. Вроде у кого-то из его друзей штука такая была, которая металл под землей ищет. Вот они с этой штукой в выходные по пригородам разъезжали. Клады искали. Виталик тогда еще работал в салоне МТС. А потом вдруг уволился. Мы с отцом очень переживали. А он только отмахивался. А потом машину себе купил. Сам. Хоть и поддержанную, но иномарку. Они вместе с отцом ее в порядок привели. А потом он от нас съехал. Стал квартиру снимать. А где деньги берет, нам не говорил.

– Может, сестра в курсе его дел?

– Да нет. Что вы! У них со Светланой очень разница в возрасте большая, да она и живет не с нами, а с мужем. Только по праздникам и видимся. Да вот иногда на выходные внуков подкинут.

– Все понятно. Но друзей вы его знаете? Имена, фамилии.

Галина Федоровна опять чего-то испугалась.

– Ой, а ведь и не знаю, наверное. Может, только старых его приятелей. С новыми-то он нас не знакомил.

– Хорошо, составьте, пожалуйста, список его знакомых, желательно с адресами и фамилиями, хотя бы с фамилиями, – попросил Станислав Дмитриевич. – Всех, кого вспомните, и сделайте пометки, где он с ними познакомился и когда. Если, конечно, знаете. Не торопитесь. Не вспомните сразу, я вам оставлю свой номер телефона, позвоните, дополните. И вообще, любая новая информация, которая у вас появится, мало ли, его искать кто-то будет или позвонят, скажут, что он денег был должен, сразу же звоните мне.

– Итак, господа сыщики, что мы имеем? – удобно расположившись в рабочем кресле, спросил капитан Авдеев.

Станислав Дмитриевич был молод, энергичен, хорошо образован, элегантно одет, счастливо женат. Все в нем было гармонично, все, кроме работы. Работа и должность Станислава Дмитриевича вступали в открытое противоречие с его внешним обликом и внутренним миром.

– Стасик, объясни мне, ну как человек с высшим образованием, закончивший с отличием университет!!! Может работать в полиции? Как? – вопрошала его мать, страдальчески заламывая руки. – Среди хамов, грубиянов, среди людей с низким уровнем интеллекта, с сомнительными моральными устоями. Каждый день видеть трупы, общаться с отбросами общества, копать в грязи. Я не понимаю!

Объяснить маме что-либо было невозможно, поэтому Стасик и не пытался, предпочитая отмалчиваться. Не дождавшись ответа от любимого сына, мама обращалась к невестке.

– Лена, хоть ты мне скажи, ему скажи! Ведь сколько раз ему предлагали перейти на работу в адвокатскую контору. В лучшие фирмы города звали. С его опытом и связями ему бы цены не было!

Лена мужа прикрывала, объясняя маме, что он обязательно так и сделает, но чуточку попозже. Она его обязательно уговорит. Стас был ей благодарен, особенно за то, что она его никогда не уговаривала. Еще до свадьбы они обсудили вопрос его работы и больше к нему не возвращались. Лена поняла и приняла.

Нет, она не была идеальной женой, всепрощающей, терпеливой и всем довольной. Она ругалась, когда он поздно возвращался домой, когда забывал купить хлеб или подгузники или вместо того, чтобы погулять в выходной с ребенком, мчался на работу, но поменять эту самую работу не заставляла.

– Итак, что мы имеем? – повторил свой вопрос капитан Авдеев. – Докладывай, Рюмин.

– Виталий Кротов, по свидетельству экспертов, был убит с десяти до двенадцати часов утра, ближе к одиннадцати. Ударом в сердце тонкого колюще-режущего предмета, подробнее все изложено в заключении эксперта. Орудие убийства не найдено. После убийства квартиру тщательно перетряхнули, очевидно, что-то искали. Нашли или нет, неизвестно. С отпечатками пальцев эксперты еще работают. Но похоже, что сам убийца работал в перчатках. Опрошенные свидетели в утро убийства ничего подозрительного не заметили. Дом большой, высотный, относительно новый, соседи друг друга знают плохо. Многие квартиры сдаются в аренду, – унылым речитативом докладывал Рюмин. – В общем, никто ничего не слышал и не видел. Смогли разыскать несколько приятелей покойного, большинство из них не знает, чем занимался Кротов, но один, Гаврилов Илья, говорит, что вроде бы Кротов раскапывал старые могилы, проще говоря, грабил. Покойный о роде своей деятельности распространяться не любил, но однажды сболтнул по пьяни. Все знают, что у него был компаньон, один из друзей даже слышал, как Кротов называл его по телефону Лысым, настоящего имени пока выяснить не удалось. Постоянная девушка у покойного была, сейчас выясняем, как зовут, с родителями он ее не знакомил. Пока все.

– Молодец, есть с чем работать, – холодно заметил капитан, глядя на своего подчиненного равнодушным взглядом акулы, которого все в отделе очень боялись, ибо знали, что он не сулит ничего хорошего. Лучше бы наорал, отругал. Но Авдеев голоса повышать не любил. Ругаться тем более. И эта нетипичность поведения всех здорово нервировала. – Вы телефонные звонки Кротова за последние сутки проверили? Абонентов разыскали?

– Нет, – вжал голову в плечи Денис Рюмин. – Так ведь некогда же было, столько работы провернули, – попытался он защититься, заранее чувствуя безнадежность затеи.

– И каковы результаты ваших трудов? Версии? Улики? Подозреваемые? – с прежней презрительной холодностью поинтересовался капитан.

– Скорее всего, убили подельники, компаньоны. Видимо, не поделили добычу, – едва заметно пожав плечами, предположил Рюмин.

Сидящий тут же Никита Грязнов предпочитал отмалчиваться, прячась за спину старшего товарища.

– Добычу? Какую? Когда? С какими компаньонами? – Продолжал бомбардировать подчиненных короткими, четкими вопросами капитан.

– Плохо, старший лейтенант Рюмин. Очень плохо, – заключил он после продолжительного красноречивого молчания лейтенанта.

– Лейтенант Грязнов, проверить все телефонные звонки Кротова за последние двое суток до гибели. Выявить всех абонентов, представить распечатку всех СМС, мессенджеров и про-

чье, разыскать Кротова в социальных сетях. И ко мне с докладом. Рюмин продолжает работать со свидетелями и проверять свою версию. Завтра утром в девять у меня с результатами, оба.

– Есть, – отрапортовал, поднимаясь, Грязнов.

– И спи-отдыхай, – пробормотал себе под нос Рюмин. – Слушай, Никита, давай объединим усилия, – предложил он, едва выйдя в коридор. – Сейчас быстренько пробьем всех кротовских абонентов по базе, поделим их и вперед, а? А Авдееву я скажу, что я без телефона этих свидетелей отыскал.

– Денис, ты что, Авдеева не знаешь? Да он тебя в пять сек раскусит. Глянет в распечатку звонков, пять минут нас с тобой послушает и все поймет. Не-ет. Мне лишние неприятности не нужны. Я уж сам со своей работой справлюсь, а ты лучше свою версию проверяй, – уклонился от предложения скользкий Грязнов.

– Предатель, – разочарованно протянул ему в спину Рюмин.

Но на судьбу сетовать можно было сколько угодно, а отвечать перед Авдеевым придется все равно, и спросит он жестко.

Авдеева многие недолюбливали, многие ему завидовали, но все уважали и считали крепким профессионалом. Начальство его жаловало. Считало образцовым сыщиком новой формации, этому способствовали манера одеваться, добротные деловые костюмы, модные рубашки и галстуки, стилистика речи, яркая, выразительная и лишенная всяческих непристойных междометий даже в самые критические моменты, чему способствовали университет, папа – профессор консерватории и мама – известный концертмейстер. В кого уродился сам Станислав Дмитриевич Авдеев, оставалось только диву даваться. Мальчик с такой наследственностью! Довершали облик Авдеева острый ум, холодная расчетливость, последовательность и сыщичье чутье. Единственным его недостатком была капризность. Он не любил скучных проходных дел. Всегда норовил их спихнуть на коллег, но такая капризность ему, как приме Следственного комитета, прощалась.

А потому Денис Рюмин тяжело вздохнул, подпоясал свои чресла и решительно двинулся выполнять оперативное задание.

– Чо надо? – распахнул Рюмину дверь здоровый лысый парень в растянутой майке, заносенных шортах, издающий одуряющий запах пота. – Квартирой ошибся, олух?

– Да нет. Похоже, что не ошибся, – лениво растягивая слова, проговорил Денис Рюмин, не спеша доставать удостоверение. – Мне Лысый нужен. Ты, что ль, будешь?

– А что, не похож? – усмехнулся парень, но тут же строго заметил: – Только кому Лысый, а кому и Александр Игоревич.

– Значит, не ошибся, – вдвигаясь в квартиру, удовлетворенно заметил Денис Рюмин.

Лысый закрыл дверь и с интересом потопал за гостем в комнату.

– Ты кто такой? – задал он очередной светский вопрос, бесцеремонно разворачивая Дениса к себе лицом.

– Я-то, – неторопливо ответил Рюмин, внимательно осматривая скромную обстановку и новый плазменный телевизор. – Мне подарок для бабы нужен, умные люди подсказали к тебе обратиться. Ширпотреб меня не интересует, нужна вещь, бабло имеется. Ну так как?

– Кто прислал? – напрягся Лысый.

– Прислал меня один солидный человек, а ему птичка сболтнула. Так что давай, вываливай, что есть. Если что понравится, возьму, – похлопывая себя по оттопыренному карману, пообещал Рюмин.

– Гм.

Лысый был явно озадачен. Вещей у него не было, их всегда забирал Крот. Он их оценивал и сбывал по своему усмотрению. У него были связи, денежные клиенты. И Лысый всегда был с этим согласен до последнего времени. А точнее, до тех пор, пока к Лысому не переехала Лерка и не принялась на правах гражданской жены совать нос к нему в кошелек.

Именно Лерка натолкнула его на мысли о неправильном дележе добычи.

– Между прочим, Сашенька, ты всю тяжелую работу на себе волочишь, а этот твой только руками водит да золото в мешок складывает. Падальщик! – сморщив хорошенький носик, говорила Лерка, усаживаясь к Лысому на колени. – Сашенька, неужели ты не понимаешь, – щеко-тала она ему ушко, а Лысый млея и пускал слюни от счастья. – Раз вы компаньоны, должны пополам делиться! Тем более сам подумай, сколько на тебе работы, этот белоручка без тебя не справится. Хочет дальше бабки зарабатывать, пусть делится по-честному.

И Лысый кивал и соглашался, а потом шел к Кроту, и тот на пальцах ему объяснял, что таких тупых любителей на халяву бабла срубить, как он, Лысый, на каждом углу десятков ошивается, а вот где это бабло срубить, знает только он, Крот. Так что пусть Лысый заткнется и валит на все четыре стороны, если ему что-то не нравится. И Лысый соглашался и шел домой. А там его встречала Лерка, хорошенькая, как куколка, с длинными загорелыми ножками, круглой попкой и пухлыми губками, и все начиналось сначала.

Вследствие такого вот прессинга Лысый несколько раз за последнее время напивался. И даже, кажется, сболтнул в пьяном угаре, что имеется у него старинное золотишко или еще что-то в том же духе. Вот уже и результат его болтовни на пороге объявился. Лысый поскреб череп, соображая, как быть. В торговле антикварными украшениями он совершенно не шарил, но, с другой стороны, что тут сложного, коли деньги сами в руки плывут?

– Слышь, чувак, тебя как звать-то?

– Денис.

– Так вот, Денис. Есть пара колечек и кресты нательные. Тебе что надо?

– Лучше кольцо, – приободрился Рюмин.

– Ладно. Давай так. Оставь номерок, на днях созвонимся, и покажу тебе, что есть, заодно и о цене договоримся.

– На днях мне не надо. Мне сейчас надо. Что, насвистел про золото, а теперь думаешь, как выкрутиться, или кинуть меня решил? – набычился Денис, всем своим видом давая понять, что его не проведешь.

– Да нет. Не бойсь, – заулыбался Лысый. – Все по чесноку. Просто золотишко сейчас у напарника. Надо забрать, вот тогда и встретимся.

– У того, которого ты пришел вчера? – вцепившись в Лысого глазами, спросил старший лейтенант Рюмин.

– Чего? – то ли не расслышал, то ли недопонял Лысый, но на его простоватом лице даже тревоги не отразилось.

– У Крота, говорю?

– А ты откуда знаешь? – Вот теперь Лысый вскинулся не на шутку, только что за горло не схватил.

– Оттуда, что труп гражданина Кротова был найден нами вчера утром в его квартире, – доставая удостоверение, все так же лениво проговорил Рюмин.

Но теперь реакция Лысого была быстрой и резкой. Он вдруг мгновенно собрался, превратившись в огромный упругий мяч. И наскочив на Рюмина, кинулся к двери. Но Денис при всей его кажущейся ленивой расслабленности был к подобному фортелю готов, а потому ловко сделал Лысому подножку. Тот навернулся, а Рюмин, прыгнув ему на спину, защелкнул на парне наручники.

– Ну вот, Александр Игоревич, приятно познакомиться, старший лейтенант Рюмин, Следственный комитет. Вставайте и давайте побеседуем. Только, пожалуйста, без резких движений, – помогая Лысому подняться, ласково говорил Денис.

– Так что, гражданин Сидоренко, убили своего компаньона, ценности из разграбленной могилы себе присвоили и торгуете ими помаленьку? – усевшись напротив Лысого за кухонным столом, поинтересовался Денис Рюмин.

– Ничего у меня нет. И ничем я не торгую и Крота не убивал, – глядя на лейтенанта исподлобья, решительно проговорил Лысый. – И вообще не знаю, кто такой этот ваш Крот.

– А вот это глупо. Есть куча народа, который подтвердит ваше знакомство, – притормозил его Рюмин.

– Может, и знал, и что с того? Мало ли кого я знаю, что мне теперь, убивать всех подряд? Я не маньяк, – не спешил расколоться Лысый.

– Нет, конечно, – согласился с его заявлением Денис. – Ты не маньяк. А Кротова убил, потому что добычу не поделили. Что, мало отстегивал или заныкал особенно ценную вещь? – внимательно наблюдая за Лысым, высказывал предположения Рюмин. – Или это ты заныкал, а Кротов принялся скандалить, вот и подрались?

– Да не дрались мы, и ничего я не ныкал, и он ничего не ныкал, и вообще я его уже пять дней не видел. И ценностей у меня никаких нет, – огрызался Лысый.

– Ай-ай-ай. Врать нехорошо. Ведь достаточно провести обыск, и все тайное тут же станет явным, – поцокал языком Рюмин.

– Блин, да хоть обыщись, – нагловато усмехнулся в глаза Рюмину Лысый-Сидоренко. – Все, что нашли, забрал Крот.

– Ах, все же ценности были, но их забрал Крот? – поймал его на слове Рюмин.

Лысый тут же нахмурился и замолчал.

– Да ладно, колись давай. Меня ваши делишки, которые проходят по статье двести сорок четыре и наказываются штрафом, не интересуют, – уговаривал ласково Рюмин. – Меня интересует убийство Кротова, а где вы могилы потрошили, мне до лампочки. Так что я бы на твоём месте больше беспокоился, как бы за убийство не сесть пожизненно, а не о ваших мелких шалостях волновался.

На лице Лысого отразилась напряжённая работа мозга, кожа на лбу собралась в морщины толстыми складками, как у шарпея, он тяжело запыхтел, и Рюмину начало казаться, что он сейчас заискрит от перегрева. Но Лысый справился.

– Все находки забирал себе Крот. Он их оценивает и сбывает, а мне долю засылает. У него связи есть, – проговорил Лысый, а потом с вызовом добавил: – Так что общись. И Крота я не убивал. Зачем мне это надо?

– Тут все просто. Добро награбленное не поделили, – пожал плечами лейтенант.

– Нет. Сказал же уже. И вообще, я его уже пять дней не видел. А кстати, – оживился Лысый, – когда его убили? Может, у меня на это время твердое алиби есть?

– А какого числа виделись?

– Двенадцатого. Точнее, тринадцатого рано утром, как раз приехали из области. Он меня домой закинул около шести и уехал. С тех пор и не виделись, – охотно пояснил Лысый.

– И не созванивались?

– Нет, почему? Он мне звонил на следующий день, сказал, что на часть вещей вроде бы имеется покупатель, остальным, сказал, ещё будет заниматься.

– А что за покупатель, где он его нашел, не говорил?

– Сказал, что у оценщика есть люди, которые интересуются. Он как раз от него вышел, сказал, что на днях перезвонит, – охотно рассказывал Лысый.

– А что за оценщик, откуда он его знает? Давно?

– Да вроде какой-то его знакомый. Они ещё раньше до меня знакомы были. Учились, что ли, вместе? – пожал плечами Лысый.

– Он что же, в антикварном магазине работает или Крот к нему на дом ездил, а может, он в музее трудится?

– Нет. Он ни в каком магазине не работает. Крот говорил, вроде ученый какой-то и что он Крота никогда не обманывает. Потому что не барыга какой-нибудь, а порядочный человек.

– Вот как? Порядочный? Ученый? Очень интересно, – заметил довольный Рюмин.

Эх, хорошо, что Авдеев настоял на том, чтобы Рюмин продолжил работу со свидетелями. Вон как оно все удачно обернулось, а информация Грязнова тоже пригодится, по ней они отыщут этого самого ученого оценщика.

– Значит, разговаривали вы с ним тринадцатого, – проговорил вслух Рюмин.

– Ну, да. Вроде.

– И что, с тех пор вас не беспокоило, что он пропал?

– Да нет. А что ему пропадать? Такие дела быстро не делаются, – пожал плечами Лысый. – И потом, четырнадцатого у бати день рождения был, мы праздновали, шашлыки, то-се. На следующий день, это воскресенье было, продолжили, а в понедельник у меня отходняк был, и ребята зашли пивка выпить, а сегодня вы вот прикатили. А так бы я Кроту позвонил вечером. А может, завтра.

– Да, – протянул задумчиво Рюмин.

Лысый вел жизнь насыщенную, полную интеллектуальных утех, когда ему о приятеле волноваться? Только когда деньги закончатся. Вероятно, пока еще не закончились.

– Значит, пятнадцатого вы были на даче, праздновали?

– Ну, да. А что, его в воскресенье того? – обрадованно спросил Лысый.

– Гм. Кто кроме ближайших родственников может подтвердить, что вы были на дне рождения?

– Да кто угодно! Мы же на даче праздновали, так что соседи с трех сторон, батины сослуживцы, потом дядь Федя, племянник мой Андрей, Алка с Виктором. Потом еще Лерка, это жена моя, гражданская, – неизвестно зачем пояснил Лысый, – потом еще брательник двоюродный приезжал с семьей, как раз в воскресенье. Да тьма народу!

– Ясно. Ну а как звали оценщика, помнишь?

– Не-а. Да вроде Крот и не говорил никогда. Он вообще не болтливый был. Информацией не любил делиться. Говорил, что знания это сила, и помалкивал, – усмехнулся Лысый.

– А Крот всегда через него вещи толкал?

– Нет. У него были еще люди. А иногда даже в скупку относил или в магазин. Антикварный, – вспоминал Лысый. – Один раз даже на мой паспорт сдавали.

– В один и тот же магазин?

– Нет, всегда в разные. Говорил, что примелькаться не хочет. Но вообще, он не любил с магазинами связываться, предпочитал через знакомых толкать. В крайнем случае через интернет.

– Гм. Имена, фамилии знакомых вы, конечно, не знаете?

– Откуда? Говорю, не любил он трепаться. Слушай, может, снимешь браслеты? Все равно же я не виноват? Надоело сидеть руки за спину, ни почесаться, ни закурить.

Рюмин браслеты снял.

– Ладно, давай имена, телефоны, кто твое алиби подтвердить может, – велел он, доставая блокнот.

Обрадованный Лысый достал мобильник и принялся диктовать телефоны.

– А вот тут у нас фотки, – протянул он Рюмину мобильник. – Можешь глянуть, все по чесноку.

С экрана мобильника на Рюмина смотрели красные довольные рожи со следами неумеренных возлияний на фоне соответствующего антуража.

Глава 3

9 мая 1918 г. Екатеринбург

– Павлуха, дома?

После громкого стука раздался в сенях чей-то грубоватый требовательный голос. А затем, пригнув голову, в комнату вошел загорелый, высокий, как всегда чуть насмешливый Ванька Скороходов, давний Павлухин приятель, с которым они познакомились еще пацанами на Злоказовском заводе.

– Здорово, – пристраивая в уголок винтовку, солидно поздоровался Ванька, протягивая руку. – Как поживаешь? Чего на заводе нового? С завода-то не ушел?

– Здорово. Да нет. Куда мне? – заваливаясь обратно на лавку, лениво протянул Павлуха. – Да и весело там сейчас. А ты чего пришел, по делу али так?

– По делу, – убрав с лица неуместную кривоватую ухмылку, проговорил Ванька. – Ты вот что. Не хочешь пойти в охрану, царя охранять? Деньги хорошие платят, и работа не пыльная.

– Я в охрану? Да ты че? Я же никогда...

– Да ты погоди, – остановил его Ванька. – Ты послушай. Я ж не в тюрьму тебя зову, – с досадой проговорил старый приятель, снимая с лохматых соломенных вихров выцветшую старую фуражку. – Людей у нас не хватает надежных. Понимаешь? Царевен завтра привозят, с бывшим наследником. Люди нам нужны. Я за тебя поручился. – Ванька смотрел на ленивое сонное лицо бывшего своего приятеля и все больше горячился. – Да ты пойми, несомнительный ты элемент! Это ж государственной важности дело! Ты же рабочий человек, должен это понимать. Ну и потом, – чуть замявшись, добавил Ванька, – чай, не каждый день живого царя с царицей увидеть можно. То есть бывшего, конечно.

– А ты че, правда царя видал? – впервые с начала разговора оживился Павел, даже садясь на лавке от любопытства.

– А то! Видал, – снова кривовато заухмылялся Ванька. – Еще и не раз.

– И чего, какой он из себя?

– Да, такой какой-то, – пожал плечами Ванька, – обыкновенный. С тебя, наверное, будет, с бородой, усами, как на фотографиях. Несолідный какой-то. Говорит тихо, ходит в простой гимнастерке, в сапогах стоптанных, никакой важности. А вот царица, та да, – с уважением добавил Ванька. – Та во такая вся, – показал он непонятное руками. – Прямая вся, высокая, как глянет, так сердце в пятки. Ну, чистая царица! Хоть и старая уже. И голос у нее, и манеры важные, хотя мы ее и редко видим, у себя все сидит с мигренью какой-то. Доктор возле нее так и вьется. А еще с ними великая княжна приехала, тоже бывшая. Мария. Ну, я тебе скажу, брат... – мечтательно закатил глаза Ванька.

– Что, красивая? – Еще больше заволновался Павел.

– Ужас до чего. Вся из себя ладная, высокая, румяная, глазищи – во! И с нами не задирается. Когда их с Николашкой гулять водят...

– С кем?

– С царем бывшим. Это у нас так в охране его называют. Ну, всякие там, за глаза, конечно. А так Николай Александрович. Гражданин Романов, – объяснял Ванька, жутко гордый своей осведомленностью в столь важных и секретных вещах. – Только ты это, – спохватился он, – это все секретно! Я тебе только потому рассказываю, что в охрану зову. У нас там знаешь кто главный? Авдеев, слесарь с нашего Злоказовского. Помнишь его?

– Помню. Дрян-человек, – сплюнул на пол Пашика, снова теряя интерес к делу.

– Ты давай не заговаривайся! Он теперь знаешь, о-го-го, – остановил его Ванька. – И вообще. Харчи, довольствие денежное – что надо, и работа не пыльная. А обстановка вокруг города сам знаешь. Так что проявляй свою пролетарскую сознательность и не выкобенивайся.

Так Павлуха, Павел Михайлович Лушин, оказался в том самом доме особого назначения. Приземистом, двухэтажном, похожем на лабаз каменном доме, стоявшем на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка.

– Из наших, говоришь, заводских? – С прищуром разглядывал его Авдеев при первой встрече. Неряшливый, с помятым лицом и красными мутноватыми глазами, но важной неспешностью в голосе и солидной основательностью в движениях. – Кого охранять будем, знаешь?

– Знаю, – с вызовом и неприязнью глядя на Авдеева, протянул Павлуха.

– То-то. К городу рвутся чешские соединения, белогвардейская контра наступает, да и у нас тут не все спокойно. Революционные массы требуют казни тирана, а бывшие царские прихвостни плетут заговоры по его освобождению. – Подняв вверх чумазый указательный палец, разглагольствовал Авдеев, пока Павлуха с тоской разглядывал заплывающую, с неубранной кроватью в углу, с заставленным всяким хламом и обедками столом комендантскую. – Так что, товарищ Лушин, готовы вы в этот опасный момент взять на себя пролетарскую ответственность за судьбу кровавых злодеев, пивших долгие годы народную кровь?

– Готов. А жить где придется, здесь али на квартире? – почесав за ухом без всякого осознания момента, спросил Павлуха. Не любил он этой трепотни. Вот не любил, и баста. Потому и на митинги не ходил, устал от горлопанов. Сперва, конечно, нравилось, даже дух захватывало, до чего говорят смело да бойко, а потом наскучило. И сейчас стоял и от скуки заусенец отгрызал.

– Ладно, – солидно кивнул Авдеев. – Жить будешь напротив, на казенной квартире. Выдайте бойцу оружие и обмундирование да покажите здесь все. А уж на дежурство завтра заступишь. Сегодня у нас день важный, – напоследок заметил Авдеев и махнул рукой, чтоб убирались, значит.

– Мошкин, Василий Прокопович, заместитель коменданта, – протягивая руку, представился невысокий крепенький мужичонка в черной кожанке, ждавший их в коридоре. – Пойдем, покажу, что ли. Тут за этой вот дверью семейство обретается. Здесь, значит, комендант. Ну, ты видал уже. Рядом караульная. А здесь знаешь что? – хитро сощурился, спросил у Павлухи Мошкин. – Ватерклозет.

И убедившись по Павлухиному невыразительному лицу, что тот ни хрена не понял, пояснил.

– Уборная барская. Загляни, небось не видал такого. – И он широко распахнул дверь.

Павлуха такого и впрямь не видал. Все в белом кафеле, посреди комнаты ваза белая, а в сторонке такое же белоснежное корыто и краники к нему, видно, чтоб воду подавать. Это Павлуха сообразил.

– А посудина эта белая для чего? – чуть смущаясь, спросил он, тыкая в сторону ватерклозета.

– Хм, – довольно ощерился Мошкин. – Уборная и есть. Сюда, значит, дела делаешь, а потом вот дергаешь, – он дернул за цепочку, и самым неожиданным образом откуда непонятно с громким журчанием выплеснулась вода. – О буржуйские замашки! Теперь сюда все ходят – и караул, и семейство. Все равны. А тут они моются, – указал он уже без всякого интереса на ванну и снова вышел на лестницу.

– На первом этаже караул живет. Латыши. Ты будешь напротив квартировать, в доме Попова, вона через улицу. Скороходов, покажешь. – Ванька согласно кивнул. – Вот так, – спускаясь по лестнице мимо вооруженных винтовками и гранатами часовых, – продолжал

Мошкин. – С ребятами завтрава познакомишься, а переезжать надо сегодня. Ладно, бывай. Проводите до ворот, и чтоб у меня! – грозно рыкнул он на прощание.

– Ну чего, как? – тихонько спросил Ванька, когда они вышли на улицу.

– А чего Авдеев про важный день говорил, чего у них там сегодня? – с любопытством спросил Павлуха, разглядывая с улицы высоченный дощатый забор, недавно возведенный вокруг дома.

– Да говорил же я тебе: дочери ихние приезжают и наследник, – тихонько тянул Скороходов Павлуху прочь от дома. – Ты давай перебирайся сегодня, а я тебе комнату покажу пока. Со мной жить будешь. Комната хорошая, окнами прямо на дом выходит, и до службы опять же два шага. Самое главное в нашем деле – это по городу не болтать. И вообще, пореже отлучаться. А то небось знаешь, что такое ЧК?

– Знаю небось, – передразнил его Павлуха, моментально теряя интерес к дому.

– Но ты не дрейфь!

Не спалось Павлухе в эту тревожную майскую ночь, наполненную сырой свежестью тающих снегов, пронзительную вздохами и стонами ветра в голых деревьях под окном. Все вертелся он на кровати, прислушиваясь к шорохам, скрипам незнакомого дома, к едва слышному похрапыванию приятеля своего Ваньки Скороходова. Не спалось ему от непривычности места и от жуткого любопытства. Как оно там, в Инатьевском доме? Спят ли?

Княжны приехали вчера ближе к полудню, он как раз вещички свои в дом Попова перетаскивал. Его, правда, задержали на углу, пока они из пролеток не выгрузились, но он все ж хоть и издали, но поглядел. Хм. Барышни как барышни, одеты скромно, и наследника видел как на руках несли. А завтра его первое дежурство. Павел еще раз перевернулся с боку на бок, тихонько приподнял занавесочку, крохотную такую щелочку сделал и сразу же опустил. Вокруг того дома вдоль забора чуть не каждый метр по часовому с ружьем и бомбой. А ну как метнет? Ванька говорил, что приказы у них самые строгие: чуть что – сразу огонь. А в доме все одно, окон не видно, да и замазаны они известью, чтобы пленники в окна не пялились и на них чтобы не таращились. Хотя куда там, за таким-то забором?

И заснул он крепким, молодым сном, отложив до утра все волнения и заботы.

Из дневника Николая II:

«10 мая. Четверг.

Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 часов ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности. Взаимным вопросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Днем вышли минут на 20 в сад, было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать».

Глава 4

17 июля 2017 г. Санкт-Петербург

– Хорошо, Рюмин. Очень хорошо. С Лысого возьмете подписку о невыезде. Давайте список вещей, которые они раскопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое, – протянул руку капитан Авдеев.

«Блин! Ну что за человек этот Авдеев, вечно найдет, к чему прицепиться. А ведь так хорошо все начиналось», – пригорюнился Рюмин, чувствуя себя последним ослом.

– Что, нет списка? – убирая руку, разочарованно поинтересовался капитан. – Старший лейтенант Рюмин, озвучьте, пожалуйста, еще раз, какую версию вы разрабатываете? – тоном преподавателя попросил Авдеев.

И Денис Рюмин тут же почувствовал, что зачет ему не сдать. Дежавю.

– Версию, что Кротов с компаньоном не поделили добычу, вследствие чего Кротов был убит компаньоном, – уныло проговорил Рюмин, наверняка зная, что уже засыпался.

– А какую добычу не поделили компаньоны? – тем же вкрадчивым тоном спросил капитан Авдеев.

– Ту, которую выкопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое, – с видом проштрафившегося школяра ответил Рюмин.

– А что они выкопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое? – продолжал занудно выяснять капитан.

Не мог сразу же обозвать идиотом и сказать, что только последний осел не составил бы список изъятых из могилы ценностей. Издевается.

– Не знаю, – сердито буркнул Рюмин, краем глаза поглядывая на довольно ухмыляющегося Грязнова. «Погоди, Никитушка, и твоя очередь придет», – пообещал мысленно Денис.

– Не знаете, – повторил за ним Авдеев. – Плохо, – огласил свой вердикт капитан.

Перезачет. Добавил про себя Рюмин.

– После совещания отправитесь к Лысому, Сидоренко, и составите подробный список, желательно с описаниями предметов, – распорядился капитан. – Алиби Сидоренко проверить самым тщательным образом. Докладывайте, Грязнов.

Никита заерзал в кресле, выпрямляя спину, и, расправив перед собой бумаги, приступил к отчету. «Подхалим несчастный, – зло заметил про себя Денис, вырядился в такую жару в костюм, к начальству подлизывается». Сам Никита предпочитал свободный стиль в одежде. Например, футболку и слаксы.

– Значит, так, Станислав Дмитриевич, вот распечатка всех звонков покойного начиная с одиннадцатого числа. На всякий случай взял с запасом, – пояснил Никита с самым серьезным видом. – Входящие, исходящие, СМС, здесь трафик, вот тут распечатка с паспортными данными всех абонентов. Отдельно список его контактов в алфавитном порядке с паспортными данными.

Выкладывая информацию, Грязнов только что не светился от самодовольства, как лампочка Ильича. А чем гордится-то? Чем? Тем, что смотался в компанию-оператора и, тряся корочкой, потребовал у девицы распечатку? А сам в это время кофеек попивал из автомата. Экий подвиг! Но Денис явно недооценивал объективность своего начальства.

– Хорошо, – неторопливо просматривая распечатки, проговорил Авдеев. – Кого из списка абонентов Кротова вам удалось проверить, скажем, за период с двенадцатого по пятнадцатое июля?

– Я... Это я...

Авдеев смотрел на подчиненного внимательным невыразительным взглядом, вежливо ожидая продолжения.

– Я... В день убийства, – нашелся наконец Никита Грязнов, – ему несколько раз звонила мать. – Он быстренько порылся в своих бумажках и достал нужный листок. – Вот, сперва был входящий вызов, а потом после часа дня несколько непринятых. Очевидно, Кротов уже был мертв.

– Очевидно, да, – холодно согласился капитан.

– Так это и эксперты еще вчера установили, – тихо, куда-то в сторону заметил Рюмин, стараясь сдержать самодовольную ухмылку, за что тут же получил яростный взгляд Грязнова.

– Дальше, – прервал их безмолвную пикировку капитан.

– Дальше звонила некая Вероника Крылова, очевидно, девушка покойного Кротова. По сути, это единственная женщина, кроме матери, которая звонила ему за последние дни. И возраст подходящий.

– Так это девушка Кротова или вы предполагаете, исходя из распечатки?

– Я так предполагаю, – после секундной паузы вынужден был признать Грязнов, врать капитану было опасно. Все равно в угол загонит, так уж лучше сразу.

– Какие еще сведения вы сумели раздобыть? – без всякого намека на издевку поинтересовался капитан, отчего его вопрос прозвучал еще неприятнее. Уж лучше бы сразу обозвал ленивой скотиной, и дело с концом!

Но Станислав Дмитриевич Авдеев никогда не обзывался, даже в детстве. Бессмысленным оскорблением личности он предпочитал доходчиво и аргументированно объяснить, почему эта самая личность не права, чтобы впредь она этих ошибок не совершала. Но личности, особенно подчиненные ему личности в следственном комитете, отчего-то не ценили тонкого педагогического подхода своего начальства, а, напротив, предпочитали грубые примитивные оскорбления.

Станислав Дмитриевич огорчался. Но принципов своих не менял.

– Значит, так, уважаемые коллеги, – это, казалось бы, вежливое, корректное обращение было воспринято проколовшимися лейтенантами как очередное издевательство, – надо в кратчайшие сроки ликвидировать все недоработки. Рюмин, вы уже получили задание, можете приступать. Грязнов, вам необходимо встретиться с родителями покойного Кротова, предъявить им список, собрать максимум информации о значащихся в нем абонентах. Вы, Рюмин, также возьмите с собой экземпляр распечатки и покажите Сидоренко, возможно, он кого-то сможет опознать. Непосредственно с абонентами в контакт не входить, за исключением этой самой Вероники Крыловой. Нам нужен оценщик, точнее, не оценщик, а ученый! Расспросите аккуратно родителей Кротова, кто из знакомых покойного имеет высшее образование в интересующей нас области: искусствоведение, история. Действовать надо осторожно, ни в коем случае не спугнуть его раньше времени. Задача ясна?

– Так точно, – в один голос отрапортовали лейтенанты и поднялись со своих мест.

– Свободны. Завтра в двенадцать с отчетом у меня, – распорядился Авдеев, взглянув на часы.

– Гм, – пробубнил, закрыв дверь начальственного кабинета, Грязнов. – А спать, есть и жить нам не надо?

– Чего тебе жаловаться? Прокатишься на метро до «Озерков», а мне вот в Гатчину тащиться. Знаешь, какие сейчас на шоссе пробки? – со вздохом одернул его Денис.

Теперь, когда два молодых самоуверенных разгильдяя покинули его кабинет, должным образом наставленные на путь истинный, Станислав Дмитриевич смог наконец снять пиджак, расслабить галстук и закатать рукава рубашки. При подчиненных он себе подобной вольности никогда не позволял. Начальство всегда должно быть собранным и безупречным, только тогда оно может требовать того же от подчиненных.

Хочешь требовать с других, начни требовать с себя. Этот и прочие жизненные принципы Станислав впитал в себя с детства, сперва от бабушки, происходившей из древнего рода князей

Алабышевых, а затем от отца, профессора консерватории и просто глубоко интеллигентного человека, которого он уважал и чьим мнением очень дорожил.

Отослав подчиненных, Станислав Дмитриевич снял пиджак, распахнул окно в надежде на вечернюю прохладу, удобно расположился в кресле и принялся думать.

Итак. Все в деле указывает на личность некоего оценщика. И скорее всего, с вероятностью в... скажем, девяносто процентов, так оно и есть. Стас взял распечатку телефонных звонков за тринадцатое июля, именно в этот день Кротов, по словам Сидоренко, встречался с этим самым оценщиком.

Вот звонок Кротова Сидоренко в четырнадцать сорок пять. Значит, у оценщика он был раньше. Что ж, в этот день звонков у Кротова было не так уж и много. С утра он звонил матери. Затем той самой Веронике Крыловой, которую, судя по всему, действительно можно считать девушкой погибшего, и остается еще два звонка. Некому Ивану Фомину и Кириллу Трифонову. Вот их-то проверить и надо.

Разумеется, все эти несложные выкладки он мог бы произвести и в присутствии Рюмина с Грязновым, но у капитана Авдеева было неписаное правило: кто не умеет работать головой, тот работает ногами. «Ничего, молодые, пусть побегают», – вздохнул Станислав Дмитриевич, закидывая руки за голову и беззаботно крутясь в рабочем кресле. А вот ему пора на заслуженный отдых, к жене и детям. «Вот только стоит, пожалуй, навести справки о Фомине и Трифонове. И на дачу! Главное – выскочить из центра, а уж там – педаль в пол и полетели, если повезет, через час буду дома, – довольно улыбаясь, размышлял Стас. – По полицейской части оба субъекта не проходили. Придется порыться в соцсетях. Для начала отыщем страницу покойного Кротова, оттуда и начнем».

Страница Кротова «ВКонтакте» отыскалась быстро, там нашлась и страница Ивана Фомина. На интеллектуала парень не тянул, среднее незаконченное, вынес свой вердикт Станислав Дмитриевич. Просмотрев страницу внимательно, он пришел к выводу, что парень, скорее всего, занимается загородным домостроением, должность не выше прораба. А возможно, просто шабашит на частных заказах.

А вот Кирилла Трифонова «ВКонтакте» не обнаружилось, точнее, их было много, но ни один не отвечал требованиям капитана. Что ж, стоит, пожалуй, попробовать дать запрос в Яндекс, набрав имя и фамилию, иногда такие простые действия давали неплохой результат. Кириллов Трифоновых выпало немало. Были тут частные предприниматели, аниматоры, диджеи, управляющие ресторанами, водители-дальнобойщики, стоматологи. Станислав Дмитриевич продолжал листать, пока его взгляд не зацепился за строчку «диссертационный совет».

– Ага! – Стас в предвкушении потер руки.

Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Бинго! Дальше дело пошло легко и быстро. Он набрал сайт университета, просмотрел личную страницу старшего преподавателя Трифонова, распечатал фотографию с сайта и с удовлетворением посмотрел на часы. Вся процедура поиска оценщика заняла у Станислава Дмитриевича менее получаса.

– Учиться, салаги, – пробормотал он себе под нос.

Кирилл Юрьевич Трифонов, двадцати девяти лет. Кандидат исторических наук, сотрудник университета. Приятное лицо. Сфера интересов: кандидатская посвящена шестнадцатому веку, затем интересы смещаются. Последняя монография посвящена государственной службе российского дворянства первой половины девятнадцатого века. Ордена Российской империи. «Как интересно! Ну просто-таки прикладная работа!» – усмехнулся Станислав Дмитриевич.

А вот теперь стоит подумать. Что же толкнуло успешного ученого, сотрудника университета на убийство? Жадность? Сложные жизненные обстоятельства? Шантаж? Если жадность – сколько должны стоять найденные Кротовым в могиле драгоценности, чтобы толкнуть успеш-

ного, небедного человека на убийство? Несколько миллионов? Несколько десятков миллионов? Второе вернее.

Нужен список находок. Эх, Рюмин, и чтоб тебе получше соображать, старший лейтенант называется. Теперь теряем время.

Было бы неплохо собрать заранее о Трифонове побольше информации, но так, чтобы не спугнуть. Станислав задумался. Кто из его знакомых по-прежнему связан с университетом? Впрочем, простая связь его не устроит, нужны выходы на истфак. Общие знакомые... К кому бы обратиться? Может, кто-то из маминых знакомых?

Поездка на дачу как-то само собой отошла на второй план и забылась. Станислав Дмитриевич сидел, погрузившись в собственные мысли, не замечая опускающихся на город сумерек.

– Точно! – Возглас капитана разорвал сонную тишину кабинета.

Станислав Дмитриевич несказанно оживился, достал мобильник и, пролистав несколько страниц записной книжки, нашел нужный номер.

– Олег Ильич? – произнес он подчеркнуто солидным официальным голосом.

– Да, слушаю, – отрывисто ответил Олег Ильич, очевидно, поглощенный каким-то важным делом.

– Вас беспокоят из следственного комитета Санкт-Петербурга.

Олег встал на паузу.

– Из следственного? Стас, ты, что ли? – проговорил наконец Олег Шишмарев обычным человеческим голосом, перестав изображать из себя загруженную делами звезду Петербургской коллегии адвокатов.

– Именно, – улыбнулся Станислав Дмитриевич.

– Ну, здорово. Рад слышать, – отозвался бывший однокурсник.

– Взаимно.

– Ты по делу или так, соскучился?

– Соскучился и по делу, – не стал юлить Станислав Юрьевич.

– Выкладывай.

– Однако, господин адвокат, вы напрочь лишены лирики. Хоть бы из вежливости поинтересовались, как мои дела, как жена, дети? – укорил приятеля Стас, поскольку в его планы входил отнюдь не короткий телефонный разговор, а ... Впрочем, не будем забегать вперед.

– Ну, как жена, как дети? – настороженно спросил Олег.

– Спасибо, хорошо, на даче сейчас. А как твои? – с улыбкой проговорил Станислав Дмитриевич.

– Спасибо, и мои хорошо. Слушай, что-то ты меня пугаешь. Тебе что надо, а? – потребовал объяснений Олег.

– Ты извини, конечно, за бестактность, – приступил к делу Станислав Дмитриевич, стараясь проявить максимальную тактичность. – Но ты все еще на Лиле женат?

– Чего?

– На Лильке, спрашиваю, женат? Не развелся? – погромче и поконкретнее спросил Станислав Дмитриевич, отбросив политесы.

– Ну да.

– А она у тебя все еще на кафедре работает?

– Ну да, – все тем же настороженным голосом ответил Олег, словно ожидая в любой момент какого-нибудь фортеля.

– А ты не можешь ее спросить, не знает ли она старшего преподавателя с кафедры истории России Кирилла Трифонова?

– Ах вот оно что! Не мог сразу сказать? – с облегчением выдохнул Олег. – Ладно, спрошу.

– Нет. Ты не просто спроси. Ты прямо сейчас спроси, и если знает, пригласи меня в гости прямо сегодня. Ну, или если тебе это неудобно, я могу с ней в любом месте побеседовать. Хотя на лавочке во дворе, – выдал все сразу Станислав Дмитриевич, как и просил его собеседник.

– Ну ты, друг, даешь! – усмехнулся Олег. – Дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде. Ладно. Жди, сейчас перезвоню.

– Приезжай, – услышал через несколько минут приглашение Станислав Дмитриевич. – Адрес в сообщении скину. С тебя букет, – коротко распорядился Олег.

– Обижаешь!

Букет для Лили Станислав Дмитриевич выбрал с душой, не для отмазки, не огромное блюдо из подвявших роз у метро, а элегантное произведение флористики в фирменном магазине, заодно приобрел бутылку вина и, вооруженный джентльменским набором, двинулся в гости, предварительно позвонив жене и убедившись, что у нее все в порядке. Насос работает как часы, дети здоровы, а сама Лена в хорошем настроении.

– Привет, Стас, проходи. – Лиля Шишмарева была маленькой пухленькой улыбчивой брюнеткой с копной мелко вьющихся волос. – Ой, какой букет красивый! Спасибо. Олег, Стас пришел! Прходи, пожалуйста. Я на кухню. Ты уж извини, ужин самый обычный, Олег о твоём приезде в последний момент предупредил, так что никаких изысков, – ни на секунду не умолкала Лиля. – Ты проходи в комнату, он там телевизор смотрит. Слышишь, как орет?

Олег действительно сидел в комнате перед телевизором. Точнее, он спал под звуки громко орущего телевизора.

– Эй, хозяин, проснись, – легонько потряс его за плечо Стас, выключая звук телевизора. – Гости пришли.

– А? О, приехал? – потягиваясь, пробормотал Олег. – Устал как собака, лето, а дел невпроворот. Сегодня с утра в суде торчал. Ну, а ты как? Смотришься огурцом, даром что в полиции служишь, – с легкой завистью отметил Олег.

На фоне бородатого, обзаведшегося кругленьким солидным брюшком Олега Станислав Дмитриевич, гладко выбритый, подтянутый, с модной короткой стрижкой, смотрелся свежо и молодо.

– Движение – жизнь, а сон у телевизора – медленная смерть, – нравоучительно заметил он, присаживаясь рядом с хозяином. – Переходи к нам, загоняют так, что и спортзал не понадобится.

– Нет уж, нет уж. Мы уж лучше сами, – отмахнулся Олег. – Ты Лильку видел? Что там с ужином?

– Готовится.

– Уже готов, – заглянула в комнату Лиля. – Так что руки мыть и за стол. Стас, я на кухне накрыла, ты не возражаешь?

– Замечательно. Обожаю кухни.

– Я Трифонова плохо знаю, – не спеша приступила к рассказу Лиля, когда ужин был уже наполовину съеден, а тосты за хозяев и гостей подняты. – Но специально для тебя расспросила про него девочек из деканата. Те всегда все про всех молодых, перспективных и неженатых мужчин знают. Так вот. Мужик умный, напористый, со временем может дорасти до завкафедрой. Имеется невеста. Девчонки ее видели, она им не понравилась, – с улыбкой проговорила Лиля. – Судя по их рассказам, капризная, избалованная красотка, дорого и вызывающе одетая. То есть золотая молодежь. Что ей понадобилось от Трифонова, не знаю, но, по мнению девочек, чувства у них взаимные.

– Интересно.

– А еще он через три дня уходит в отпуск, по сведениям деканата, они с этой самой невестой летят в Испанию. Это все, – развела руками Лиля. – Думаю, со списком его научных работ ты можешь ознакомиться и на сайте.

– Спасибо, солнышко, ты меня несказанно выручила! Значит, через три дня в отпуск? –
плотоядно улыбнулся Станислав Дмитриевич.

Глава 5

18 июля 2017 г. Санкт-Петербург

– Вот, Станислав Дмитриевич, полный список того, что Кротов с Сидоренко привезли из последней экспедиции, – протянул капитану аккуратно распечатанный список Денис Рюмин. – Конечно, этот список составлен со слов Сидоренко, а это еще тот специалист, но утверждает, что ничего не путает, подробностей, конечно, не знает, но как что называется и сколько штук – знает твердо. Алиби его подтвердилось, вчера до часа ночи его знакомых опрашивал. Все как один подтверждают, что все воскресенье с раннего утра был на даче, никуда не отлучался. Вот список опрошенных. Фамилии, паспортные данные, адреса, как положено, – положил перед капитаном еще один листок Денис, ехать в Гатчину третий раз ему не улыбалось.

– Молодец, Рюмин, – просматривая список, похвалил капитан Авдеев.

Но Денис расслабляться не спешил. Вчера Авдеев тоже начал за здоровье, а чем закончилось, известно. Но Станислав Дмитриевич придирается не стал, а перешел к Грязнову.

– Докладывайте, лейтенант.

– Был у родителей погибшего Кротова и у сестры. Сестра с братом почти не общалась, друзей его не знает.

– Об этом было известно еще в день убийства, – коротко заметил капитан Авдеев. – Дальше.

– Мать точно не знает, кто из знакомых Кротова стал ученым, тем более искусствоведом, Кротов в юности спортом увлекался, а не искусством, и друзья у него были соответствующие. Вот список тех, кого из знакомых сына она знает, – протянул Авдееву бумажку Никита. – Но вряд ли кто-то из них может быть связан с оценщиком. Ребята все больше простые. А вот Вероника Крылова, я с ней тоже вчера виделся, сказала, что Кротов, когда из поездки вернулся, встречался с каким-то Кириллом. Я проверил, в списке контактов Кирилл только один. Трифонов. Это все.

– Гм. Трифонов Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Проживает на улице Итальянской, дом один. Не так давно написал монографию о служилом дворянстве, большая часть которого посвящена российским орденам, – продолжая просматривать список предметов, проговорил неторопливо Станислав Дмитриевич.

От этого короткого комментария лица обоих лейтенантов вытянулись, а сами они в очередной раз почувствовали себя безнадежными идиотами.

Но Грязнову было все же хуже, отметил про себя Денис Рюмин. Он-то сам раздобыл список, которого, судя по всему, сам Авдеев не достал, а вот Грязнов впустую потратил целый вечер, собрав информации меньше, чем сам Авдеев, который уж наверняка никуда за ней не ездил, а сидел спокойненько у себя в кабинете.

Как Авдееву удавались такие трюки, Рюмин понятия не имел, но случалось подобное нередко. Весь отдел бегают по городу, землю носом роет, а потом – оп, и Авдеев, который даже из кабинета не выходил, словно фокусник, вывалит вдвое больше информации по делу.

– Значит, так, – отрываясь от списка, проговорил капитан. – По моим сведениям, Трифонов через три дня собирается ехать в отпуск в Испанию. Если убийца он и причиной убийства стали находки Кротова, которые Трифонов захотел присвоить, то велика вероятность, что он попытается вывезти их за границу и там продать. В пользу этой версии говорит тот факт, что у Трифопова имеется невеста, девушка капризная, избалованная, предположительно из состоятельной семьи, очевидно, требующая определенного достатка. В отпуск они едут вместе.

– А что, – полюбопытствовал Никита Грязнов, – много накопили? В смысле, дорого стоят их находки?

– Не видя вещи, сказать сложно, – доброжелательно пояснил капитан, поощрявший в подчиненных здоровую любознательность. – Например, орден Андрея Первозванного, имеющийся в списке, составленном Сидоренко, может стоить от миллиона рублей до миллиона долларов, параметров оценки много. Орден Святой Анны – несколько сотен тысяч рублей, Звезда Белого Орла – около двух миллионов рублей, а еще орден Святого Владимира. Это приблизительные цифры, которые могут варьироваться в зависимости от состояния орденов, мастера, их изготовившего, времени изготовления. К тому же в списке значатся перстни, какая-то отдельно отмеченная печатка, нательные кресты. А вдруг они все бриллиантами усыпаны? Не видя вещей, нам остается только гадать, – развел руками капитан Авдеев.

– Ни фига себе, такие деньги! – воскликнул Денис Рюмин. – Конечно, свалит в Испанию, толкнет там старинные ордена и будет жить припеваючи, – подвел он черту. – Наверняка это он! Надо брать, Станислав Дмитриевич!

– Горячий вы человек, Денис, – притормозил его капитан Авдеев. – На каком основании?

– Ну-у... – задумался Рюмин.

Грязнов сидел тихо и высовываться не спешил, потому что видел: у капитана определенно имеется план, заранее составленный и тщательно продуманный. Так что с него на сегодня позора довольно.

– Нет, так не пойдет. У нас нет никаких доказательств того, что Трифонов и есть оценщик. У нас нет доказательств того, что Кротов накануне смерти встречался с Трифоновым и тем более передал ему свои находки.

– Обыск! – Нашелся Денис.

– Обыск – это хорошо. Но, во-первых, прокурор потребует оснований, а во-вторых, откуда мы знаем, где именно Трифонов хранит ценности? А может, он держит их в камере хранения аэропорта или у своей невесты?

– А что делать?

– Для начала установить негласную слежку. И, разумеется, встретиться с этим самым Трифоновым. Прощупать его, что за тип. Из страны его выпускать нельзя. Значит, взять под пистолет о невыезде.

– Сюда его вызовем?

– Нет. Лучше встретиться у него на квартире, посмотрим, что за тип, – азартно проговорил Станислав Дмитриевич.

– Разрешите идти? – бодро спросил Рюмин, поднимаясь.

– Куда?

– Трифонова допросить.

– Нет уж. Я сам. А вы с Грязновым постарайтесь выяснить, кому, кроме Трифонова, покойный Кротов сбывал плоды своих несправедливых трудов. Сидоренко упоминал, что у него были какие-то каналы помимо Трифонова. Тот, как я понимаю, только сливки снимал.

– А зачем это нужно, раз и так все ясно? – ворчливо поинтересовался Рюмин, разочарованный поворотом дела.

– Пока еще ничего не ясно, – строго одернул его Станислав Дмитриевич. – Пока что мы отрабатываем одну из версий, наиболее, с нашей точки зрения, перспективную, но не будем забывать и о других возможностях. Кстати, выясните, что за особа эта Вероника Крылова, может, она тоже замешана в убийстве, может, это по ее наводке убили Кротова, хотели ограбить, но опоздали, ценности он успел передать Трифонову.

– А действительно, – оживился Грязнов. – Если Кротова убил Трифонов, зачем он шкафы переворачивал, знал же, что там ничего нет?

– Для виду. Чтобы на ограбление списать, – ответил ему Рюмин, направляясь к двери.

– А если нет? Ты знаешь что, ищи связи Кротова, а я Крыловой займусь. – решил Никита Грязнов. – Я с ней уже встречался, мне проще будет.

Вероника Крылова работала менеджером в небольшой фирме, торговавшей железной арматурой, кровельным железом, железными заборами и прочей неромантической продукцией из металла. Располагалась контора на территории бывшего завода, за типовой проходной, в двух небольших комнатках, заваленных образцами продукции.

Разговаривать в столь тесной дружеской обстановке было невозможно, и Никита пригласил барышню прогуляться по территории бывшего завода.

– Вероника, расскажите, в каком настроении Виталий вернулся из последней «экспедиции», у вас не создалось впечатление, что он чего-то боится? – Начал издалика Никита.

– Нет. Обычный вернулся. Даже довольный. Сказал, что неплохо поработали, – пожалала плечами Вероника, доставая сигареты.

– А он вам не показывал свои находки?

– Иногда показывал, но в этот раз не успел. Мы с ним в тот день не виделись, у меня дела были, я в салон была записана, – тряхнула довольно жиденькими светлыми волосами Вероника. – А потом он их уже отдал. Я же вам говорила.

– Ну, да. Конечно. Я только не понял, он все отдал, вы ничего не путаете?

– Да, кажется, – наморщила брови Вероника. – Он часть находок отдал этому, своему приятелю...

– Кириллу Трифонову? – уточнил Грязнов.

– Да, тому, который ему вещи оценивал, а остальное скупщику отнес.

– А вы с ним когда увиделись?

– В субботу. У меня выходной был, мы вместе целый день провели.

– А ночевали вы тоже у него? – напрягся внутренне Никита.

– Нет. Я вам уже говорила. Дома. Родители не любят, если я ночевать не прихожу, – с видом утомленной примы поведала Вероника.

– Скажите, а Виталий никогда не упоминал имени скупщика или, может, говорил, где он живет или работает, а может, вы как-то вместе к нему заезжали? – разглядывая Веронику, расспрашивал Грязнов.

Девушка не была красавицей, нос длинноват, глаза глубоко посажены, кожа бледная, несмотря на солнце и лето, но фигурка у нее была что надо. Высокая полная грудь, размер четвертый, не меньше, тонкая талия, ножки чуть полноватые, но ровненькие. И самое главное, все натуральное. Никита даже облизнулся.

– Нет, я же говорила, Виталик не любил рассказывать о своих делах.

– А вам нравилось то, чем он занимается? – спросил Никита, лишь бы что спросить.

– Нет. Конечно, лучше бы он в салоне связи работал, – не задумываясь, ответила Вероника, и Никита сразу же понял, что неискренне. – К тому же не так много он и зарабатывал.

– Да? А сколько? – Тут же ухватился за ее слова Никита.

– Не знаю точно. Но вы же видели его квартиру, и машина у него была подержанная, и потом, он не так уж часто копал, больше искал эти самые могилы.

– Да? А вот у меня имеются сведения, что ордена, которые он в последнюю свою поездку добыл, стоят миллион долларов, – глядя, как лицо Вероники вспыхивает красными пятнами, точно светофор, рассказывал Никита, – а еще мне его сестра говорила, что Виталий на квартиру хорошую копил. И вроде даже почти всю сумму собрал. – Это было правдой, и Никите сестра покойного Кротова сообщила, что собственная квартира в центре города, пусть и небольшая, была мечтой Виталия.

– Понятия не имела! – вскинулась Вероника. – Мне он ничего не говорил. Только вечно жаловался, что денег нет.

Значит, серьезных планов на девицу Кротов не имел. Да и встречались они всего месяца четыре, вспомнил Никита. Да, кажется, Вероника доверием у Кротова не пользовалась.

– Ну что ж, Вероника, мой телефон у вас есть, если что-то вспомните, звоните, – для проформы попросил Никита, размышляя уже о том, что стоит встретиться с лучшим другом покойного Кротова Ильей Гавриловым. Хотя, по словам матери, они последнее время редко виделись, у Гаврилова не так давно родилась двойня, так что парню было не до друзей-приятелей, но все же, мужская дружба, возможно, принесет больше результатов, нежели любовная интрижка.

И Никита с удовольствием проводил взглядом идущую к офису Веронику. Задница у нее тоже была что надо.

– Кирилл, сколько можно работать? Тебе ведь даже не платят за это. Ты в отпуске с завтрашнего дня, – стоя над Кириллом, увещевала его Настя. – Мне надоело, что ты вечно занят, я хочу на пляж, в кино, в клуб, я хочу развлекаться!

Она топнула стройной загорелой ножкой.

– Солнышко, потерпи. Через три дня у тебя будет все, – не отрываясь от компьютера, пообещал Кирилл. – А сейчас мне надо кое-что закончить.

Он быстренько дописал письмо, щелкнул по клавише «отправить» и повернулся к Анастасии. Та стояла надутая, но от этого не менее хорошенькая.

– Настюш, мне надо закончить с этим делом до отъезда. Чтобы ничто не омрачало наш отдых. – Он посадил ее к себе на колени и чмокнул в маленький аккуратный носик.

У Насти была несколько приторная, кукольная внешность, слащавые манеры, средненький интеллект, вульгарная манера одеваться и капризный характер, этот прелестный набор дополнялся зашкаливающим самомнением.

Кирилл частенько задавался вопросом, что его так привлекает в этом незамысловатом создании. Но что-то определенно привлекало, иначе почему он уже два года предпочитал Настино общество обществу более достойных, интересных и даже красивых молодых женщин? Загадка.

Второй неразрешимой загадкой было, почему Настя выбрала его среди прочих поклонников, среди которых были и побогаче, и поуспешнее, чем он, в том числе и представители золотой молодежи, беззаботные и обеспеченные, гораздо более подходящие ей по образу жизни и вкусам.

– Кирилл, или мы сегодня выбираемся в люди, или в Испанию поедешь один! – грозно предупредила Настя, вставая с его коленок. – Ты мой характер знаешь.

Кирилл знал, а потому притянул ее обратно, преодолев не очень бурное сопротивление. После нескольких пылких, продолжительных поцелуев они плавно переместились в спальню, а спустя час Настя покидала его квартиру вполне удовлетворенной, подобрешей и веселой.

– Кира, заканчивай поскорее со своей скукотей, – промурлыкала она на пороге, – я умираю от тоски. И кстати, ты не против, если мы с Дианой сегодня куда-нибудь выберемся?

– Конечно, нет, – еще раз целуя ее, разрешил Кирилл. – Веселись.

Едва дверь за Настей закрылась, он тут же вернулся к компьютеру.

– Так, так, так, – азартно проговорил Кирилл, просматривая очередное письмо.

За прошедшие несколько дней Кирилл изрядно потрудился. Конечно, тринадцатого и четырнадцатого из-за Настиного дня рождения ничего стоящего предпринять не удалось, но зато потом, с помощью фотографии склепа и запечатленных на нем дат и имен, Кирилл смог вычислить, где именно под Петербургом располагалась усадьба князей Щербатовых. Его не интересовали дореволюционные захоронения, что весьма облегчало поиски. А потому уже в понедельник он наведлся в местный поселковый совет с коробочкой конфет для секретарши, бутылкой дорогого коньяка для председателя и запасом шоколадок и прочих мелких сувениров для рядовых сотрудниц. И с помощью личного обаяния, напористости и коньяка выяснил все что можно о двух последних захоронениях в склепе. Ему удалось раздобыть копию свиде-

тельства о смерти обоих интересующих его лиц. Следующим шагом был визит в городской загс и получение справки о смертях и рождениях А. С. Щербатовой (Плещеевой) и ее сына Д. Е. Щербатова, а также об их браках, о детях Д. Е. Щербатова и о детях детей. Вооруженный столь скудной информацией, Кирилл перешел к следующему шагу – поиску места жительства этого семейства и его потомков. Благо, как следовало из документов, все они проживали и умирали на территории нынешнего Центрального района Петербурга. Такая кучность весьма облегчала задачу Кирилла. Если бы не набег Настасьи, он бы полностью отдался исследовательскому экстазу, позабыв обо всем на свете. Увы! Насте не было дела до его увлечений, она требовала внимания с эгоистичностью избалованного ребенка.

Вчера Кириллу удалось подружиться с работницей одного из паспортных столов Центрального района, девушкой молоденькой и легкомысленной, которой он, очевидно, понравился как мужчина. Конечно, он и сам приложил к этому немало усилий, коварно и расчетливо вселив в нее неосуществимую надежду на продолжение флирта. И вот теперь Симочка, так звали девушку, тратила собственное рабочее время на поиски интересующих его данных и даже попросила помочь ей подругу, работающую в другом паспортном столе. К счастью, девушке удалось кое-что накопать и отправить Кириллу по электронной почте. Теперь настал его черед, надо было встретить Симочку после работы и пригласить в кафе. Ее помощь могла Кириллу еще понадобиться, а Настя, к счастью, уже придумала себе занятие на вечер.

Надо сказать, Анастасия была очень ревнива, и узнай она о том, что Кирилл встречается с другой!.. Даже страшно подумать, чем бы это могло кончиться для бедной Симочки. Могло и травмами средней тяжести. Иногда Настя демонстрировала просто-таки плебейские манеры, но именно в таких случаях в Кирилле пробуждалась по отношению к ней почти африканская страсть. Очередной парадокс.

Глава 6

15 мая 1918 г. Екатеринбург

– Видал, как зыркнула? – гоготал пучеглазый разбитной охранник, рассказывая в караулке, как вместе с наружной охраной только что сопровождал на прогулке великих княжон. – А мне что? Зыркай не зыркай, чай, не то сейчас время. Они ходят по саду, а я это себе знай напеваю «Смело товарищи в ногу...». Крючатся, а слушают, деваться-то некуда. Наше таперече время.

– А видал, Васька вчера в галюне углем намарал, царица, значит, и Гришка Распутин при ней? – давился глумливым смехом другой охранник, Суетин.

Павел, сидя в углу и помалкивая, косился на своего бывшего приятеля Ваньку, а тот лишь глаза в сторону отводил. В разговоре не участвовал, но посмеиваться – посмеивался. А вот Павлухе отчего-то было вовсе не смешно. Шла вторая неделя, как подвизался он в доме бывшего инженера Ипатьева. И императора уже не раз видал, и императрицу, и княжон, и даже наследника. Хотя тот все время хворал и ни разу еще из комнаты не вышел. Но в первые два дня Авдеев его специально с собой таскал в комнаты семейства. И даже обедали они вместе.

Поставят по приказу Авдеева большую кастрюлю в ихней столовой, усядется семья за столом, и давай туда вслед за ними солдатня ломиться. Один раз, при Павле, этот вот самый Суетен царя бывшего под локоть пихнул. Подвинься, мол, не вишь – тесно. И ложек не хватало, и вилок, и есть всем приходилось в очередь. А то бывало, если Авдеева в доме нет, так могли и вовсе царское семейство из-за стола попереть. Хватит, мол, с вас, похлебали и будя. И продукты, что Романовым присылали, всяк растащить норовил. Ну тут в общем-то понятно. Семьи у каждого, каждому охота гостинчик домой передать. А все одно – воровство. А только до революции исстари воровство все одно грехом почиталось. И Павел, глядя на то, что творится в этом доме, отчего-то все больше жалел несчастного царя, такого тихого, жалкого, и девушек было жаль, они-то чем виноваты? Не нам выбирать, где родиться. Тут уж как Господь рассудил. Вот императрица Павлу не нравилась, уж больно заносчива да и, говорят, шпионка немецкая.

А княжны те ничего, хорошенькие. И правильно Ванька ему говорил про Марию-то. Павлухе она тоже с первого взгляда приглянулась. Да и правду сказать, он таких вот красавиц и не видал. Высокая, пышная, с румяными щечками и улыбается так лучисто, так приветливо, и глазки голубые-голубые. И вот что удивительно, царская дочка, во дворцах росла, а говорит просто и о простом. Два дня назад, в саду, когда гуляли, семейство каждый день под конвоем на два часа в сад выпускали, сама к ним подошла, заговорила. Спросила откуда, сколько лет, кем работали, где и так просто все, по-приятельски. Павел сперва засмутился, а потом сам не заметил, как разговорился с ней. А вот другая княжна, Татьяна, та совсем другая. Очень на императрицу похожа и заносчивая такая. Ходит, нос задрав, хотя тоже красивая, тощевата только. И уж больно важная, на лице так и написано, что никто тут ее мизинца не стоит. А все же и она, и старшая их Ольга, и младшая, девчонка совсем, все чего-то делают, шьют, вышивают, даже стряпать умеют. И одеты скромно.

И очень уж они молиться любят. Павел сам, когда в карауле стоял, слышал сквозь двери, как они песни духовные пели и как вслух читали. Да-а. Не такими он представлял царских дочек. Думал – все нафуфыренные, капризные и избалованные. А они совсем другие.

Рядом с ним раздался новый взрыв грубого похабного смеха.

Павел поехал и вышел из караулки. Не нравилось ему в этом доме, не нравилось.

– Слышь, а чего это сегодня гулять не ходили? – спросил Павел у стоящего в коридоре угрюмого латыша.

Эти латыши, а может, и не латыши, были ребята неразговорчивые, и Павлуха от них старался держаться подальше. Ванька ему шепнул, что они подчиняются напрямую начальнику местной ЧК, а это не та компания.

– Не ходили – значит, не ходили, – негромко, с чуть заметным акцентом ответил латыш. – Твоя забота какая?

– Да просто спросил, – любопытно вытягивая шею, чтоб заглянуть в чуть приотворенные двери царских комнат, спросил Павел.

Сегодня, принимая караул, он вместе с разводящим, как всегда, заходил в комнаты семьи, чтобы убедиться, что все пленники на месте. Дурацкая затея. Куда им деться? Но дело не в этом, а в том, что, кроме наследника, все остальное семейство выглядело вполне благополучно, и почему гулять тогда не идут?

– Чтоб на тюрьму большие похоже было, в тюрьме тоже не всякий день выпускают. Сам-то в тюрьме не сидел?

– Бог миловал, – хотел перекреститься Павел, да не успел.

– Нет теперь Бога, – глянул на него латыш, да так, что у Павла рука онемела.

– А гулять не выводили, может, чтобы не сбежали.

– Да куда им бежать, заборище вон какой, – кивнул головой в сторону окна Павел.

– Не твое дело, какой заборище, – оборвал его рассуждения латыш и грозно добавил: – И вообще, нечего здесь слоняться, больно, я смотрю, ты заботливый. Закончил дежурство – проваливай. А нет – на пост ступай.

Да Павел и сам уже был рад убраться подобру-поздорову.

Но тут отворилась дверь комнаты, и на лестницу вышла княжна Мария Николаевна, она очень спокойно кивнула часовым и направилась в сторону ватерклозета. Из караулки, как назло, высунулся Васька Курносов. Противный расхлябанный парень из прихлебателей Мошкина и Авдеева.

– Куда пошла? – по-хамски остановил он девушку, отчего та едва заметно покраснела.

Подобные мерзкие сцены случались в доме нередко, но вот чтобы так, при Павле, еще ни разу.

– Мне нужно в туалетную комнату, – очень спокойно, с достоинством ответила девушка, и у Павла от стыда за Курносова щеки вспыхнули.

– Со мной пойдешь. Больно самостоятельные стали, – грубо рывкнул Курносов и легонько пихнул княжну в спину. – И чтоб дверь не закрывать!

И тут Павел не сдержался. Хотел сдержаться и не смог. Сам не понял как, а только схватил Курносова за руку.

– Слышь, оставь девку в покое! Дай ей спокойно по нужде сходить.

– А ты чего лезешь? Ты кто здесь такой? – Тут же кинулся на него Васька. – Царский прихвостень? Может, ты вообще из сочувствующих или монархист переодетый?

Дело принимало скверный оборот. Но деваться было некуда.

– Никакой я не прихвостень, а приказа не было в уборную провозжать, – ответил Павел, стоя на своем и размышляя, чем все это закончится. Хорошо если просто выпрут, а если...

Мария Николаевна поспешила уйти, а из караулки высунулся на шум Ванька Скорыходов.

– Вы чего, мужики, не поделили? Вась, ты чего? Это ж дружбан мой с завода. Наш, злоказовский. Вась... – Ваньке удалось вклиниться между Павлом и Курносовым и расцепить их.

– Скажи этому своему... чтоб не лез большие. У меня с этими царскими сволочами свои счеты. Они братуху моего в Питере расстреляли, а батька с матерью в деревне с голодухи подошли, когда эти в своих дворцах жировали, а я кровушку свою на фронте проливал! – Глаза Васькины так бешено вращались в глазницах, Павлу по-настоящему страшно стало.

– Вась, Вась, он не будет, это он так, не подумав, – пытался утихомирить взбесившего Курносова Ванька. – Ты это... пойдём, выпьем, успокоимся. А Павлуха он наш, злоказовский. Пошли.

И он с горем пополам втокнул Курносова обратно в караулку.

Павел в караулку не пошел, на улицу вышел, успокоиться немного.

В саду было тихо, солнышко припекало, почки набухли на яблонях, скоро оденутся все белым цветом. «То-то княжны, наверное, обрадуются», – думал Павел, щурясь под теплыми ласковыми лучами.

– Павлуха, что на тебя нашло? Совсем умом тронулся? – Раздался позади него встревоженный Ванькин голос. – Забыл, где находишься?

Павел обернулся, неторопливо с особой внимательностью взгляделся в лицо старого своего друга.

– Скажи мне, Вань, а как тебе здесь служится? – спросил и сам себе удивился.

– О чем это ты? – еще больше понижая голос, спросил Иван и воровато оглянулся.

– О том самом.

– Может, и не нравится, – буркнул Иван, сразу весь как-то сдуваясь. – А только вот что я тебе скажу, Павлуха. Не будет нас с тобой тут, кого пришлют? Думаешь, им от этого лучше будет? – Ванька выразительно взглянул на дом.

– Нет.

– То-то! Может, я потому тебя и позвал в охрану, что тошно тут одному сидеть, среди этих... Так что терпи и не высовывайся, а то они, знаешь, и охранников потянуть могут, – многозначительно закончил Иван и, взяв приятеля за рукав, повел обратно к дому. – А вон, кстати, и арестанты наши, гулять выпустили, – оживился он, останавливаясь. – Вывели все же!

И Павел с удивлением заметил, что лицо Ванькино, да и его собственное, как-то посветлело и даже вроде в улыбке расползаться начало, да только Павел быстро сообразил, одернул и себя, и Ваньку.

– Добрый день, Павел Терентьевич, Иван Прокофьевич. – Проходя мимо них, поздоровался бывший самодержец.

– Добрый день, Николай Александрович, – с трудом удерживаясь от поклона, ответил Павел.

Татьяна и Ольга только кивнули молодым караульным, проходя мимо.

– Добрый день, Павел Терентьевич, – услышал он нежный, приветливый голос и на этот раз удержаться от улыбки не смог.

– Добрый день, Мария Николаевна.

– Благодарю вас, – добавила она тихонько.

– Да что там! Как вам спалось сегодня?

– Благодарю, хорошо. – Княжна, невероятно красивая, свежая, бело-розовая, словно яблоневый цвет, улыбалась ему в ответ. – Погода какая сегодня чудесная! А я уж начала бояться, что нас сегодня не выпустят. Обидно было бы весь день дома просидеть.

– А как здоровье Алексея Николаевича? – Встрял в разговор Иван, явно рассчитывая на свою долю внимания.

– Благодарю вас, пока болеет, но промежутки между болями стали длиннее. Его Евгений Сергеевич сейчас опять осматривает.

Павлу хотелось еще что-нибудь сказать, да больше ничего как-то не придумалось, и Ванька, как назло, замолчал. Княжна поклонилась им и пошла к своим. А Павел с Иваном, вздохнув, как по команде, отправились в караулку.

– Жалко ее, – прошептал приятелю Иван, – так и пропадет ни за грош! В лучшем случае в какой-нибудь монастырь отправят, я слыхал, они просились. А в худшем...

– Да, а ведь могла бы замуж за какого-нибудь королевича выйти, – поддакнул ему Павел. – Жила бы сейчас в Европах и бед не знала.

Вечером в караульной, как всегда, грохотал рояль. Как всегда, после отъезда коменданта к себе на квартиру, Мошкин устраивал шумную попойку. Демин уже пел под бречание бала-лайки похабные частушки, а Павел с Иваном, молча переглядываясь, думали о находящихся за стеной людях, которые сейчас молились, или читали вслух духовные книги, или просто разговаривали, но наверняка о чем-то хорошем, и было им горько и досадно, и очень стыдно. А потому Павел едва дождался окончания своего дежурства.

Из дневника императрицы Александры Федоровны:

«Екатеринбург 15 (28). Май. Вторник.

+9°.

Ночью дождь лил как из ведра. Бэби спал в целом неплохо, хотя просыпался через каждый час, боль стала не такой сильной. Опять приходил в нашу комнату.

+20°.

Остальным принесли обед только в 2 [часа] 25 [минут].

Они выходили погулять на час.

Наконец-то пришел Владимир Николаевич Деревенко, не смогла поговорить с ним, так как Авдеев всегда присутствует. Я спросила, когда же, наконец, Нагорного снова пустят к нам, так как не знаем, как мы сможем обходиться без него. Авдеев ответил, что не знает. Боюсь, что мы больше не увидим ни его, ни Седнева снова.

Бэби очень сильно страдал некоторое время, потом, после лекарства и свечи, ему стало лучше. После чая я впервые постригла волосы у Николая.

+15°.

После ужина Бэби снова унесли в постель в его комнату. Боли усилились. К 11 часам мы улеглись в постель».

Из дневника Николая II:

«15 мая. Вторник.

Сегодня месяц нашему пребыванию здесь. Алексею все по-прежнему, только промежутки отдыха были больше. Погода была жаркая, душная, а в комнатах прохладно. Обедали в 2 часа. Гуляли и сидели в садике час с 1/4. Аликс стригла мне волосы удачно».

Глава 7

28 мая 1918 г. Екатеринбург

– А ну встать! – рявкнул раздраженно Авдеев, входя в караулку и гневно оглядывая следы ночного гулянья. – Мошкин, опять колобродили? Говорил же... Под суд захотели? Кто опять галюн уделал? Скоты.

– Так мы ж того... просто как бы это... караульные пользуются... – путано принялся оправдываться Мошкин, с трудом собирая разбегающиеся спросонья и вчерашней попойки мысли.

– Караулку прибрать и вон отсюда по домам. И чтоб завтра все трезвые были. Лушин, со мной принимать арестованных, – обернулся комендант к стоящему у него за спиной Павлухе.

Павел быстренько оправился и следом за Авдеевым без стука вошел в комнату семьи.

Они как раз заканчивали завтрак. Вся семья с доктором Боткиным и прислугой, кроме наследника, сидела за столом.

– Здравствуйте, граждане Романовы, – останавливаясь на пороге и закладывая руки за спину, поприветствовал присутствующих комендант.

– Доброе утро, – сдержанно кивнул Николай Александрович, остальные повторили за ним, словно эхо.

А Павел с замиранием сердца поймал приветливый взгляд и полуулыбку Марии Николаевны. И из-за спины Авдеева ответил ей кивком и улыбкой, но быстро собрался: не хватало еще от коменданта получить за панибратство с семьей тирана, после такого и вылететь недолго.

Авдеев пристально, высокомерно оглядел каждого из сидящих за столом, словно желая удостовериться, что это именно они.

– А где Алексей Николаевич?

– У себя в постели. Желаете взглянуть? – сухо поинтересовался Николай Александрович. – Он все еще болеет, и я уже обращался с просьбой к Уралсовету разрешить доктору Деревенко осмотреть мальчика.

– Отказано. Говорил же вам, – с вызывающей грубостью ответил Авдеев. – Идем, посмотрим на мальчика.

Николай Александрович поднялся, вместе с ним поспешила встать из-за стола Татьяна, и они втроем отправились в спальню. Павел остался в столовой.

– Приятного аппетита, – потихоньку пожелал он оставшимся в столовой.

– Благодарю, – ответила ему только Мария, остальные напряженно прислушивались к тому, что творится в соседней комнате. А Павел беззаботно, добродушно рассматривал княжон и царицу. Царица была уже старая, с высокомерным выражением лица, сидела как-то неподвижно, словно истукан, а вот девушки были славные. Павел очень полюбил слушать, когда они пели хором. Наверное, и на фортепьянах играть умели, только Мошкин у них рояль отобрал.

– Что ж, продолжайте есть. О прогулке сообщу дополнительно, мне еще в Уралсовет ехать. Лушин, за мной.

Павел незаметно поклонился и вышел следом за комендантом.

– В общем, так, всем ко мне, – закрыв за собой двери в комнаты пленных, распорядился Авдеев тихим напряженным голосом. Сегодня он был на удивление трезв, собран и, кажется, даже слегка напуган. – В городе беспорядки. Сейчас толпа анархистов и всяких там контриков прет с лозунгами на Успенскую площадь. Ардатов, сволочь, со своей частью перешел к белякам. Все силы Совета брошены на борьбу с этими гадами. Ясно? Наша задача, чтоб к

дому ни одна сволочь не подобралась. Если что, сразу открывайте огонь. И бомбами их. Бомбами! В дом никого не пускать. Как что – сразу огонь!

Латыши, как всегда, спокойные, лишь многозначительно переглянулись, а вот Павел, Ванька Скороходов и еще пара человек из заводских боязливо поежились.

– Нечего дрейфить, – перехватив их взгляды, цыкнул Авдеев. – Предателей и малахольных буду расстреливать на месте. Все ясно?

Подсобрались, кивнули.

– То-то. Я к Медведеву, а вы чтоб у меня! – грозно сжал кулак Авдеев.

Из дневника Николая II:

«28 мая. Понедельник.

Очень теплый день. В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно».

– Ох, Павлуха, не нравится мне это. Ох, не нравится, – ворочался вечером на койке Иван Скороходов. – Как думаешь, возьмут белые Екатеринбург?

– А че им не взять? Их вон сколько, а город кому защищать, чекисты да эти! Как их? Рабочие с Верх-Исетска, с Ермаковым. Возьмут, как есть, возьмут. А вот че тогда с царем будет? – шепотом высказал свой главный вопрос Павел.

– Не знаю, – поворачиваясь на спину, озабоченно ответил Иван. – Их ведь прежде хотели в Москву везти, на суд. Да чего-то не повезли, здесь оставили. Может, теперь повезут?

– А если нет?

– Если, если! – рассердился вдруг Ванька. – Откуда я знаю? Может, белые отобьют.

Павлу такой вариант нравился, но вот отчего-то плохо ему верилось, что комиссары позволят такому случиться.

– А слышал, как Белобородов с Голощекиным сегодня анархистов разгоняли? Не хуже царской охраны, – взволнованно прошептал Ванька, свешиваясь с кровати. – Я, с дежурства шел когда, прогулялся к Успенской площади, тоже слегонца шугнул парочку эсеровских горлопанов, а то собрались булыжником в одного из наших лупануть.

– Да, теперь начнется. Долго не протянем. Если белочехи нагрянут, гонять уже будут большевиков, – вздохнул Павел. – Сам-то что делать будешь, если белые нагрянут? – поворачиваясь к приятелю всем телом, спросил он.

– Не знаю, с комиссарами уйду, наверно. Что мне еще делать? Нас новая власть небось не погладит по головке, донесут добрые люди, чем мы тут занимались, – горько усмехнулся Ванька. – О, житуха, с этими не сахар, а с теми еще хренее. Ну, а ты че думаешь?

– Да ни че. Домой вернусь, и всего делов, – снова переворачиваясь на спину, проговорил Павел.

– С ума сошел? Донесут ведь! Узнают, где служил еще, и к стенке поставят. Сейчас времена знаешь какие? Мы их, они нас.

– Не поставят. Я не такой дурак на каждом углу свистеть, чем на хлеб зарабатываю. На днях к сеструхе ходил, сказал, что уголь на Товарной кидаю.

– Да что она, не видит, что ли, что на тебе и пыли угольной нет? Вон, руки чистые.

– Да она баба не шибко умная в тонкости вдаваться, да и дите у нее малое, некогда ей, но по соседям обязательно разнесет, так что свидетелей у меня, если что, хоть отбавляй, – самодовольно усмехнулся Павел.

– Ну ты и фрукт, – завистливо вытаращился на приятеля Ванька.

Из дневника Николая II:

«5 июня. Вторник.

Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара и снаружи и внутри была великая. Продолжаю чтение Салтыкова-Щедрина – интересно и умно!

Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!»

Из дневника императрицы Александры Федоровны:

«Екатеринбург. 7 (20) Июнь.

Четверг.

+10°. Прекрасная погода. Бэби хорошо спал, его принесли в нашу комнату в 11 ½ [часа].

1 час. Обед. Харитонов приготовил макаронный пирог для других (и меня), потому что совсем не принесли мяса. Я подрезала Николаю волосы.

2 [часа] 45 [минут]. Мы все вышли в сад на час.

4 часа. Пришел Владимир Николаевич [Деревенко].

4 ½ [часа]. Чай.

Играла в карты, работала.

Татьяна читала мне Духовное чтение.

Я приняла сидячую ванну, так как горячую воду можно было приносить только из нашей кухни.

4 недели со дня приезда детей.

8 часов. Ужин, затем Бэби ушел в свою комнату.

Играла в безик с Николаем и около 11 [часов] легла в постель, потому что очень устала».

Дни тянулись за днями, жаркое лето вступило в свои права, в городе не хватало продуктов, было много солдат и мало порядка. Город страдал от нечистот, отбросов и бешеных собак. Все чаще случались грабежи и погромы, большевики, чувствуя, как сжимается кольцо вокруг столицы Урала, все яростнее и непримиримее боролись с политическими и классовыми противниками, но Павел всего этого почти не замечал, его жизнь за высоким дощатым забором Ипатьевского дома текла в другом измерении.

Весела ли сегодня великая княжна Мария Николаевна? Сколько раз гуляла в саду с сестрами, как чувствует себя Алексей Николаевич? Не украли ли у них провизию? Не обидел ли кто из охраны? О чем шепчутся Авдеев с Мошкиным, какие сплетни гуляют по городу о дальнейшей судьбе Романовых? Анархисты требуют немедленного расстрела царской семьи? А что Советы? Да еще Курносов с того самого раза стал к Павлу как-то неприятно внимателен, теперь, не обернувшись по сторонам, даже поздороваться с кем-то из пленных Павел не решился.

Однажды, лежа жаркой душой ночью у себя в комнатухе, Павел ворочался с боку на бок, размышляя о подслушанных сегодня тревожных известиях. И наконец, не выдержав, разбудил приятеля.

– Вань, а Вань? Спишь, что ли? Ванька? – потряс он за плечо храпящего Скороходова.

– Ну? – рыкнул тот спросонья. – Чего, вставать? Тревога? Чего?

– Тише ты! – шикнул на него Павел. – Я это. Разговор есть.

– Какой разговор? Чего ночью то?

– А когда? Днем у Авдеева? – многозначительно проговорил Павел, и Иван тут же насторожился.

– Слышал, о чем сегодня Авдеев с Мошкиным шептались? Вроде кто-то семейство похищать хочет и даже письмо им передал. Как думаешь, правда?

– Брехня, – отмахнулся Скороходов. – Авдееву всюду заговоры мерещатся. Выслужаться хочет перед Советом. Вот и изобретает. Если б чего было, тут бы уже Лукоянов с

чекистами дежурил, а не мы с тобой, – лениво заметил Ванька. – Слушай, а я вот что хотел! Вечером еще хотел сказать, да закрутился. – И он, наклонившись к Павлу, поманил его пальцем. – Я тута вчера слышал, как поваренок Ленька с поваром Харитоновым разговаривал, что у Марии Николаевны завтра именины.

– Да ладно? – оживился Павел.

– Да тише ты, – цыкнул на него Иван. – Я вот подумал, а что, если ей пирог именинный принести? А? Обрадуется небось? А то у них, сам знаешь, и последнее отбирают, не с чего им самим пироги печь. Видал, как вчера Петька Суетин с Парамоновым по сундукам царским лазали, а потом с набитыми карманами домой пошли? Натискали чужого добра, сволочи, а Темка Рогозин вчера мяса кусок внаглую украл.

– Сволочи!

– Вот я и говорю, давай с пирогом?

– Давай, только где ж мы его возьмем?

– А я кондитерскую знаю на Главном проспекте, как по Колобовской вверх идти налево. Я уж и с хозяином договорился. Для кого, конечно, не сказал, а так, вообще. Только с деньгами у меня неважно. Ну что, скинемся? А? Так я утром сразу и сбегаю.

– Скинемся, – кивнул Павел. – Только ты скажи, чтоб постарался, и когда в дом понешь, тоже осторожнее.

– Да я в мешок положу, скажу, что мать харчи передала.

И два приятеля уснули крепким счастливым сном.

Утром Иван чуть свет помчал в кондитерскую и на службу опоздал. Павел стоял карауле как на иголках. Сегодня Авдеев запаздывал, опять, видно, в Уралсовет подался. После вчерашнего разгона митингующих в городе по-прежнему было беспокойно. Чекисты интырили по дворам и закоулкам, вылавливая белую контру и анархистов, хватая «бывших», не разбирая правых и виноватых.

В доме Ипатьева было тревожно. Никто не брнчал на балалайке, неслышно было похабных шуточек, никто не задирал арестантов. Все словно бы чего-то ждали. В уборной появилось объявление, говорят, сам царь составлял: «Убедительно просят оставлять стул таким же чистым, как его занимали». Никто даже не сорвал.

А Ваньки все не было.

– Слышь, Лушин, Скороходов куда подевался? Не видал я его сегодня, – проходя мимо, спросил Мошкин.

– Что я ему, нянька?

– Ты мне поговори еще, сейчас Авдеев вернется, он всем покажет, кто здесь няньки, а кто нет, – рывкнул на него Мошкин, утирая рукавом новой кожанки сопливый нос. «Видно, сбежал вчера на барахолку и сменял на царское добро. Не зря в сарае в сундуках рылся», – с презрением оглядел начальство Павел.

– Вона, Ванька бежит, – кивнул он на спешащего через двор Скороходова.

– К матери за гостинцем бегал с утра, – тут же объяснился Иван, показывая вещевой мешок. – Заодно бельишко чистое захватил.

– Живо на пост. И что б у меня... – грозно свел брови Мошкин, продолжая изображать большого начальника.

Ванька пожал плечами и потопал в караулку, успев незаметно подмигнуть Павлу.

– Надо успеть, пока Авдеев не вернулся. Он сейчас злой как черт ходит, лишний раз на глаза попадаться не хочется.

– А латыши? Может, на прогулке лучшие? – с опаской предложил Павел, боязливо косясь на здорового латыша с отсутствующей миной возле дверей в царские комнаты.

– Да че он? Палить небось не начнет. А вот Авдеев, тот может и к стенке приспособить, не сам, так сдаст товарищам, – не согласился Скороходов. – Давай так: я зайду, а ты

на стреме постоишь. Я скажу, как положено, мол, от нас с Павлом Терентьевичем, с именинами, и все такое. А?

– Точно скажешь? – В Павле осторожность боролась с ревностью и дурацким желанием посмотреть на Марию Николаевну, когда Скороходов ей пирог отдаст. Послушать, как она их благодарить станет.

Вышло все даже лучше. Латыш пошел на двор перекурить, а Павел с Иваном, прикрыв дверь в караулку, захватив пирог, постучали в комнаты семьи.

Но лучше вышло только в первые три минуты.

Когда они, неловко улыбаясь, вошли в залу, княжны в ней не было, она в спальне читала вслух матери и брату. Анастасия сбегала за сестрой, с ней вместе вышли бывший император и Татьяна. Иван, до этого бойко рассуждавший, как он поздравит княжну с днем ангела, вдруг замер, словно камень, вцепившись в пирог.

– Добрый день, – поздоровалась Мария Николаевна, с радостным любопытством глядя на пирог.

– Здравствуйте, – еле выдавил из себя Павел, которому передалось волнение приятеля.

Пауза затягивалась, княжна молчала, Павел с Иваном тоже. Да еще Николай с Татьяной таращились на них, и Анастасия в сторонке хихикала. Вот это самое хихиканье и помогло Павлу справиться с собой. Обидно стало, что даже девчонка над ним потешается.

– Это вот, значит, вам, – кое-как выговорил он, кивая на пирог. – С именинами. От нас то есть.

Тут Иван ожил и широко шагнул к Марии Николаевне, неся на вытянутых руках пирог. Пирог был румяный, караваем, с завитушками из теста и цифрами «девятнадцать».

Взять пирог Мария Николаевна не успела. Распахнулась дверь, и на пороге появился красный от злости Авдеев. Павел едва успел в сторону отпрыгнуть. Получилось, что за дверь. За спиной Авдеева маячил Василий Курносков. Донес, сволочь. Как есть, донес!

– Это что еще? Заговор? Сочувствие самодержавию? Побег готовите? – Грохотал, яростно вращая глазами, Авдеев. – Свикке! Этого арестовать и живо ко мне! – выхватывая у растерявшегося Ваньки Скороходова пирог, орал комендант.

Пирог выскользнул из его трясущихся рук и, упав на пол, разлетелся, превратившись в бесформенную кучу.

– Сволочь! Расстреляю! – продолжал орать Авдеев.

Павел от страха словно окаменел и продолжал стоять за дверью как истукан.

– Послушайте, товарищ комендант... – проговорил своим тихим голосом Николай. – Произошла ошиб...

– Молчать! Какой я тебе товарищ?! Арестованных на прогулку не выводить! Немедленно провести личный досмотр и обыск!

Когда дверь за Авдеевым с грохотом захлопнулась, Павел все еще продолжал стоять навтыяжку, молча тараща глаза на семейство. Лицо у Марии Николаевны было несчастное, Анастасия смотрела с испугом на отца, даже Татьяна, всегда высокомерная и холодная, с жалостью и сочувствием взглянула на Павла.

– Ужас, как все вышло, – прошептала Анастасия.

– Павел Терентьевич, что же теперь будет? – робко спросила его Мария Николаевна, и он от этого обращения наконец ожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.